

LiteraruS – Литературное слово 3(44), 2014 (осень)

2003 – 2013

Историко-культурный
и
литературный журнал на русском языке
Издается в Финляндии с 2003 года

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХИ

Полина Копылова. *Сизнанки солнечного света...* 5

НАША ИСТОРИЯ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

Ренат Беккин. *Штрихик портрету мусульманских общин...* 8

АНОНС

Знаете ли вы Хельсинки? 15

СОВРЕМЕННЫЙ РАССКАЗ

Людмила Коль. *Китайский чай*, рассказ 16

Юлия Лаваренко. *Тампере. День лета*, рассказ 21

Игорь Воловик. *Ноктюрндля левой руки*, новелла (Часть первая) 24

СТРАНИЦА ПЕРЕВОДЧИКА

Антти Туури. *Человек, который сошел с ума*, рассказ (Пер. с фин.: Галина Пронина) 30

ФОТОРЕПОРТАЖ

XVI Конгресс ВАРП. Шанхай-2014 (фото: Кирилл Резник & LiteraruS) 34

Бэй Та. *Три стихотворения* (Перевод с китайского: Алексей Филимонов) 36

СЕМИНАР

Семинар «Россия и Европа: диалог культур». Тексты докладов (Т. Артемьева,

Л. Гагагова, М. Бабалык, Т. Вихавайнен, И. Горная, Г. Коваленко,

Я. Лапатка, А. Филимонов, И. Савкина, Н. Матвеева, И. Минеева,

Л. Луцевич, М. Микешин, И. Такала, Л. Бюклинг,

И. Петрова & Е. Петрова, М. Пююкко) 39

ЭХО

Привет от Кольских саамов 102

Булочки 50-х 104

НОВАЯ КНИГА

О себе и своем времени 102

ОБЪЯВЛЕНИЯ 107

Художественное оформление: Шанхай, лето 2014; стр.1 – часть стены в парке Старого города; стр.4 – выставка, посвященная русской эмиграции в Шанхае. (Фото: LiteraruS)

Ренат Беккин

*Доктор экономических наук,
кандидат юридических наук,
заведующий кафедрой
регионоведения и исламоведения
Казанского федерального
университета.*

Штрихи к портрету мусульманских общин на Карельском перешейке

История мусульманских общин в Финляндии вызывает интерес как финских, так и российских исследователей. Сферой пересечения интересов историков и краеведов из России и Финляндии является территория Карельского перешейка, среди жителей которого были последователи ислама, сформировавшие небольшие, но заметные общины. Мусульмане селились в основном в двух крупнейших населенных пунктах: в Выборге и Териоках. Автор сосредоточил свои усилия на установлении точного нахождения объектов, связанных с жизнью мусульманских общин в этих двух городах. Автор благодарит краеведов Александра Браво (г. Зеленогорск) и Аллу Матвиенко (г. Выборг) за помощь в сборе материалов.

ТЕРИОКИ

В Териоках буквально с первых лет существования поселка жили представители разных народов и последователи различных религий, в том числе мусульмане. Значительную часть мусульманского населения Териок составляли татары.

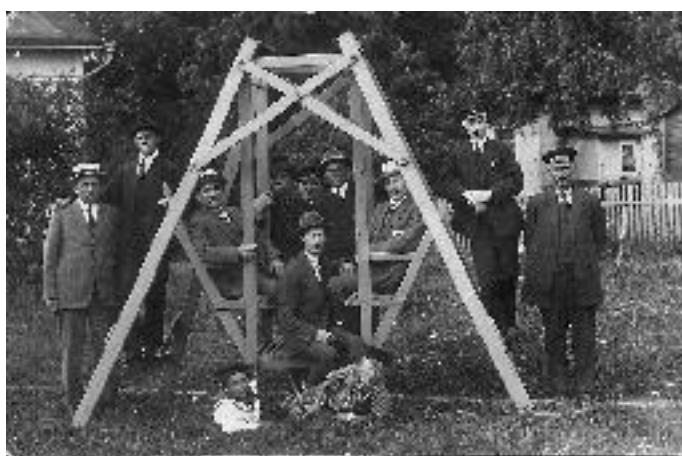
Первые татарские поселенцы стали осваивать финские земли в 1870-х гг. Поначалу они приезжали по торговым делам, но со временем стали оседать в финских городах и поселках, перевозили сюда свои семьи. С открытием железной дороги Санкт-Петербург – Рийхимяки на Карельский перешеек устремились татары – выходцы из сел Сергачского уезда Нижегородской губернии. К началу 1910-х гг. в Териоках образовалась татарская община. По данным на начало XX в., в Териоках проживало около 100 татар, что составляло около 3 % от 3000-ного населения города. Всего же в Финляндии по данным на 1916 г. проживало до 5 000 мусульман. Большинство из них составляли татары-мишаре.

У татар на ул. Виертоtie (совр. проспект Ленина) недалеко от отделения «Савокаръялан осакепанкки» («Акцио-

Татарские ряды (слева, terijoki.spb.ru)

Татары на отдыхе в Териоках (1920-е гг.) (Фото любезно предоставлено Р. Беляевым)

нерного банка Южной Карелии») были торговые ряды, где велась торговля платьем и тканями.

«...Если же вы продолжаете свой путь мимо Борисовской дачи, по Большой дороге (Виергогие), то проходите торговый ряд, где главными продавцами будут татары, они торгуют платьем и тканями. Помню, однажды я поставил в очень неудобное положение перед торговцем мою мать. Примеряя новую зимнюю шапку, я попросил мать купить мне ее. Мать начала торговаться с хозяином магазина, татарин не уступал. Я пустился в рёв: «купи да купи!». Мать не соглашается. Татарин и говорит: «Покупай, барыня, видишь, сын плачет». Денег у нас было, по-видимому, в обрез. Мы вышли из магазина. Помню, после этого

случая татарин матери больше ничего не продавал, всё отвечал: «Нет, барыня!»

Говоря о териюкских татарах, интересно отметить, что жили они между собой очень дружно, были организованы, устраивали курсы языка для своей молодёжи.

После татарских рядов красовалось здание банка – «Савокаръян осакепанки», напротив которого располагалась гостиница «Монрепо» в доме еврея Гаццуля (позже Салмела), который владел также похоронным бюро...» (Миролюбов П.Ф. «Разное жизни в Териоках»)

Известно также, что в Териоках проживали турецкие и персидские купцы. В ходе войны мусульмане – жители поселка – переселились во внутренние районы Финляндии, прежде всего в города

Ярвенпяа (в 37 км от Хельсинки) и Тампере. Ярвенпяа стал первым городом в Финляндии в ее современных границах, где в 1944 г. была построена мечеть.

Имеющиеся данные позволяют предположить, что единственная на Карельском перешейке мечеть, или, правильнее, мусульманская молешня (*мусалля*) появилась в Териоках в начале 1910-х гг. Уже в 1915 г. поселок Териоки значился в реестре мечетей и молитвенных домов, куда направлялись метрические книги из ОМДС. В изданном в 1937 г. в Турку рекламном путеводителе – «Проспекте» – также упоминается о существовании в Териоках мечети¹.

Мусалля находилась в районе Кескиколя (Центральная деревня): сначала на вилле, приобретенной Зинетулла Имадетдином (на Нижнем Виертоtie), затем – в пятидесяти метрах к северу от отделения «Савокарьялан осакепанкки» (на Верхнем Виертоtie). Таким образом, мусульманская молешня находилась между татарскими торговыми рядами и зданием банка.

Мусалля возникла благодаря двум братьям: Зинетулле и Абдулхаку Имадетдином (Имадетдиновым), татарам, происходившим из Нижегородской губернии. Имя Абдулхака Имадетдина (1891–1944) можно найти в телефонном справочнике Териок за 1936 г. Этот предприниматель был лидером мусульманской общины города в 1920–1930-х гг. и, возможно, выполнял функции *имам*.

Однако гораздо более известен брат Абдулхака – Зинетулла. Зинетулла Ахсен (Ахсян) Имадетдинов, впоследствии более известный как Ахсен Бёре² родился в 1886 г. в селе Актуково. Зинетулла был одним из 9 детей в семье мельника Имадетдина Ахсяна (1849–1906) и Мерхаб Ибрагимовой (1855–1941). Свою трудовую жизнь Зинетулла начинал мальчиком в лавке. В те годы в мишарских селах Нижегородчины было сложно най-

ти человека у которого не было бы родни в Петербурге. Не была исключением и семья Зинетуллы. В 1903 г. его отправили к старшему брату Феттехутдину, проживавшему по адресу: Боровая ул., д. 23. Напомним, что петербургский район 5 углов, где располагалась и Боровая улица, был местом компактного проживания нижегородских татар.

В Териоках Зинетулла оказался волею случая. Произошло это около 1910 г. У односельчанина Имадетдинова Садики был партнер Мордух Аронович Стражевский (Страйивский), владевший магазином мануфактуры, готового платья и сукна. По результатам одной торговой операции у Стражевского возник перед Садиком долг в размере 429 руб. По видимому, в качестве обеспечения долга Стражевский предоставил свою дачу в Териоках и небольшой магазин при ней. Зинетулла выкупил указанную недвижимость и начал свое дело в Териоках. Партнерами Зинетуллы были два его брата: Абдулхаки Абдулла (1888–1949).

В 1910–1911 гг. рядом со старым деревянным зданием магазина Старжевского был построено каменное здание торгового дома братьев Имадетдиновых.

Примерно в тот же период Зинетулла купил в рассрочку на 5 лет за 2500 руб. виллу с двумя служебными зданиями: кухней и двухэтажным флигелем (гостевым домом), в котором была собственная кухня и ванная комната. При вилле была также конюшня. На вилле было 14 комнат. Нижние комнаты занимал Зинетулла со своей семьей, на 2-м этаже проживал Абдулхак с семьей. Несколько комнат на вилле оставались незанятыми. Именно здесь, на вилле, находилась первая на Карельском перешейке гражданская мусульманская мечеть (молешня).

Однако уже в 1919–1920 гг. Зинетулла решил продать виллу с флигелем и кухней местным властям. Это решение было обусловлено тем, что в указанный пери-

од Зинетулла стал переводить свой бизнес вглубь Финляндии, в Тампере, где к тому времени начала формироваться татарская диаспора.

Помещения виллы Зинетуллы стало занимать Главное полицейское управление Териок. Кухня была превращена в караульное помещение, а 2-х этажный флигель (гостевой дом) стал караульной конторой. В конце 1920-х гг. вилла оказалась непригодной для использования (возможно в результате пожара), и полицейское управление было переведено в новое, специально построенное здание. Кто же время до войны в бывшем здании кухни при вилле Имадетдина продолжало работать отделение полиции. До наших дней от виллы и служебных помещений при ней сохранились погреб и еловая изгородь.

Зинетулла окончательно перебрался в Тампере в 1922 г. В том же году Бёре начал оптовую и розничную торговлю тканями, а также колониальными (в основном турецкими) товарами. Позднее его бизнес распространился на торговлю мехом. В будущем Бёре планировал переехать в Турцию, но дела и общественные обязанности, добровольно возложенные им на себя, помешали реализации этого замысла.

Дело в том, что Зинетулла был не только удачливым предпринимателем, но и подлинным меценатом и просветителем. Еще в 1916 г. в жизни Зинетуллы происходит важное событие: он сдает экзамены на должность *имама*. Таким образом, Бёре подобно ряду выдающихся фигур раннеисламской истории, сочетал коммерческую деятельность с совершенствованием знаний в религиозных науках. Он вел активную переписку с религиозными деятелями в Турции. Некоторые фрагменты из этой переписки были позднее опубликованы Бёре.

Благодаря усилиям и финансовой поддержке Бёре была открыта финско-

Реклама магазина тканей
Абдулхака Имадетдина в Териоках,
1925 (terijoki.spb.ru)

турецкая начальная школа. Из 1 078 000 марок, собранных в фонд будущей школы, основная сумма (960 000) поступила от Зинетуллы и его жены.

По инициативе Бёре был сделан первый финский перевод Корана. Для этих целей Зинетулла нанял Георга Пименова, который переводил текст Священной Книги с английского языка на финский с 1936 по 1942 г.

После отъезда Бёре и других татар вглубь Финляндии, история местной мусульманской общины не закончилась. В Териоках, вплоть до Советско-финской войны, продолжала действовать мусульманская молельня в упоминавшемся доме на Верхнем Виертотие, построенном Зинетуллой в 1910–1911 гг. Главой мусульманской общины Териок после отъезда брата стал Абдулхак Имадетдин.

В современном Зеленогорске следов пребывания мусульман не сохранилось. На

месте, где находился молельный дом, располагается небольшой сквер, на который выходят окна построенной рядом пятиэтажной «хрущевки». Та же участь постигла и Татарские торговые ряды.

Открытым остается вопрос о существовании в Зеленогорске мусульманского кладбища. Пока нам не удалось обнаружить свидетельств его существования. Вероятно, мусульмане Териок обрели покой либо на открытом в 1911 г. мусульманском участке на Ристимьякском кладбище (Выборг), либо на магометанском участке Ново-Волковского кладбища в Петербурге. Так, например, умершая в 1915 г. от туберкулеза вторая жена Зинетулы Имадетдина Муршида была похоронена на Ново-Волковском кладбище. Вместе с тем, вопрос об учреждении мусульманского кладбища в Териоках поднимался Ахсеном Бёре с 1912 г. Нельзя исключать того, что усилия татарской общины увенчались успехом, и на городском кладбище Териок был открыт мусульманский участок.

ВЫБОРГ

В Выборге первые мусульмане появились в конце XVIII – начале XIX века. Это были в основном, военнослужащие. Во второй половине XIX века с развитием железнодорожного сообщения между Санкт-Петербургом и Великим княжеством Финляндским сюда устремились татары – выходцы из Нижегородской губернии. Однако большую часть мусульманского населения города продолжали составлять военные.

Мусульманская община Выборга еще в 1881 г. присоединилась к ходатайству о разрешении сбора пожертвований на строительство Соборной мечети в Петербурге. В самом же Выборге мечеть так и не была возведена. Однако это не дает оснований утверждать, что мусуль-

мане, проживавшие в Выборге, обходились без мечети, или молельной.

Известно в частности, что в 1860-х гг. нижние военные чины из числа мусульман (ок. 40 чел.) собирались в специально выделенном им комендантом города помещении для совершения молитвы. В 1869 г. *ахун* Финляндского военного округа и комендант Выборга обратились к руководству военного округа с ходатайством освободить от служебных обязанностей избранного *муллою* рядового-татарина. Данное ходатайство не было удовлетворено. Более того, было принято решение о закрытии существовавшей молельни. По-видимому, после этого случая мусульмане собирались в дни мусульманских праздников, а, возможно, и по пятницам на квартирах военнослужащих, выполнявших должность *имама*.

В 1851–1859 гг. *имамом* Выборга был назначен Юсуп Субукаев (Юсуф Субуков). Его преемниками стали Гайфулла Зейнуллин (1860–1863), Ахметша Мирасуглы (1864–1866), Кутлуахмед Фазылахмедов (1867–1868) и др.

Последним *имамом* Выборгской крепости в Российской империи был Карабанов. На свою должность он был назначен в июне 1916 г. После Февральской революции он продолжил выполнять свои обязанности.

«... прошу Комитет: 1) Не найдете ли возможность назначить мне содержание по занимаемой мною должности и 2-е) разрешить мне приобрести и носить одежду произвольного образца, чтобы иметь отличие как духовному лицу и иметь внимание на повиновение российскому Правительству на благо и процветание дорогой нам России» (*Из прошения муллы Карабанова в Полковой комитет Выборгского крепостного артиллерийского склада, март 1917 г.*)

В начале 1917 г. для совершения богослужения мусульманам, число которых

План кладбища
Ристимяки, 1930
(справа крестиком
обозначено
мусульманское
кладбище, из
архива Ю.
Ланкинена)

достигало 500 человек, предоставлялось здание артиллерийского манежа на территории крепости. Здесь же мусульман приводили к присяге. В марте того же года по ходатайству мусульман-военнослужащих для совершения молитв была временно предоставлена комната во 2-м флигеле Гарнизонного собрания. Двухэтажное здание Гарнизонного (бывшего Офицерского) собрания находилось по адресу: Аннинская (в настоящее время – Островная) ул., д. 2. В этом здании с марта 1917 по март 1918 г. работал Выборгский совет солдатских и рабочих депутатов (до мая 1917 г. именовавшийся Выборгским гарнизонным солдатским комитетом). Вдоль улицы за зданием Гарнизонного собрания располагались два двухэтажных флигеля.

Оба флигеля и само здание Гарнизонного собрания сохранились до наших дней. Второй флигель, в котором размещалась моленная комната мусульман, находится в настоящее время по адресу: Островная ул., д. 6.

В апреле 1917 г. в Выборге был организован Мусульманский солдатский культурно-просветительский комитет во главе с председателем А. Мускеевым.

После Октябрьской революции Выборг стал одним из центров борьбы между красными и белыми. Мусульмане, оказавшиеся на территории Финляндии, не оставались в стороне от политических событий.

В конце декабря 1917 г. в Гельсингфорсе начал формироваться 1-й Финляндский стрелковый мусульманский полк. Основу полка составили военнослужащие-мусульмане 128-й и 129-й пехотных дивизий.

2-й флигель при бывш. Гарнизонном собрании
в Выборге, где в 1917-1918 гг. располагалась мечеть

К началу 1918 г. планировалось набрать 3000 человек, но фактически в состав полка вошло около 2000 военнослужащих. Из их числа сформировал два батальона (один – в Гельсингфорсе, другой – в Выборге).

Фактически полк был сформирован для решения конкретной задачи – ликвидации Урало-Волжского штата Российской демократической федеративной республики в Казани. После падения Урало-Волжского штата полк был расформирован 22 апреля 1918 г.

29 апреля 1918 г. белофинны вошли в Выборг. Были расстреляны около 500 местных жителей. Расстреливали всех без разбору – всех, кто говорил по-русски. Среди казненных белофиннами были и мусульмане. Так, документы сохранили для нас имена двух расстрелянных: купец Айнетдин Хайретдинов и Фатах Алемханов были расстреляны 29 апреля 1918 г. во дворе дома по улице Красного колодца.

Но история татаро-мусульманской общины Выборга не прекратилась с распадом Российской империи и образованием независимой Финляндии. Татары продолжали жить в Выборге до начала Советско-финской войны. Общее число мусульман в городе к тому времени не превышало 100 человек.

Недолго пережило историю общины в Выборге мусульманское кладбище.

Появление первого в Выборге мусульманского некрополя следует отнести к концу XVIII в. По-видимому, речь шла о небольшом участке на острове Сорвали (Гвардейский). Однако точных документальных свидетельств, подтверждающих наличие мусульманского кладбища в Выборге и его окрестностях вплоть до начала XX в. у нас нет³. На картах города и его окрестностей, относящихся ко второй половине XIX в., мусульманский участок в Сорвали не обозначен. Таким образом, кузанному времени кладби-

ще на острове было либо утрачено, либо находилось в другом месте. Не случайно, в 1911 г. в районе Ристимяки (сейчас это Южный район Выборга) был выделен участок под мусульманское кладбище. Ристимяки переводится с финского языка как «Крестовая гора». В Ристимякском некрополе имелись кладбища разных вероисповеданий. Кроме мусульманского, здесь были православный, лютеранский и иудейский участки.

Кладбище сильно пострадало в ходе войн и вооруженных конфликтов XX столетия. Но до наших дней от старого кладбища сохранилось лишь одно финское надгробие, да поваленный огромный гранитный крест в человеческий рост. От склепа семейства Викстедов сохранилась лишь мемориальная арка. Остальные могилы утрачены. На месте мусульманского кладбища (недалеко от ветлечебницы) находится заправочная станция. В последние годы жители Выборга стали использовать кладбище для захоронения домашних животных.

¹www.terijoki.fikamas_kutsuu_1937.PDF

²Бёре (тюрк. – волк) – прозвище Зинетуллы, ставшее фактически его псевдонимом.

³В словаре «Ислам в Петербурге» говорится следующее: «на о-ве Сорвали мус. участок – вероятно, очень небольшой – также соседствовал с др. этно-конфессиональными погостами, в частности финским и еврейским» (Ислам в Петербурге.

Энциклопедический словарь. – М. – Н. Новгород, 2009. – С. 235). Таким образом, недоказанная версия выдвигается за исторический факт. Кроме того, не вполне корректным выглядит здесь употребление термина «погост».

РБ

Антти Туури

Антти Туури родился 1-го октября 1944 года в городе Каухава. В 1972 году окончил Политехнический институт по специальности инженер-полиграфист. Руководил полиграфическими предприятиями. Печатается с начала 1970-х годов. С 1983 года занимается только писательской деятельностью. Произведения переведены на шестнадцать языков.

Человек, который сошел с ума

Инженер вошел со стороны конторы в пролет между лабораторией и отбельным цехом.

– Что вы тут делаете? Нечего здесь ошиваться! Вон отсюда! – кричал он, время от времени наклонялся, брал с дороги булыжник и швырял его в стену. Слышались гулкие удары.

– Попал, вашу мать!

За лабораторией грунтовка кончалась, на асфальте инженер камней не нашел. Пришлось перейти на узкоколейку, проложенную вдоль отбельного цеха. Между шпалами полно щебня, но он мелкий и, ударяясь о стену, лишь глухо щелкает.

– Вот вам! Вот вам! – вскрикивал инженер.

Дойдя до площадки перед цехом, он увидел стоящих у стены рабочих. Инженер направился к ним, но те поспешно заскочили в дверцу цеха. Слышно было, как они избегают по лесенке на второй этаж. Оттуда они стали смотреть в окно. Пришлось протирать его кусками целлолозы и мешками из-под химикатов.

– Разве это дело. Рабочие лентяйнича-

ют средь бела дня. Всех уволить! Всех! – сказали инженер.

– Сейчас обед, – возразил Таса.

– Да какой обед. В сменную работу обеда нет. Это, конечно, плохо. Во время сменной работы тоже должен быть обед, как у всех. Я этим займусь.

– Да они все в день работают, – сказал Таса.

– Нет, неправда. Я всех дневных давно отправил в принудительный отпуск. Работы на всех не хватает. И вас отправлю.

– Это почему же?

– Да здесь сплошной беспорядок, и вообще. Вход посторонним на территорию комбината воспрещен. И вы должны следить за тем, чтобы посторонних здесь не было.

– Этим же занимается охрана у ворот.

– Охрана охраняет ворота. А вы отвечаете за то, чтобы на комбинате не было посторонних. Метод изготовления засекречен.

– Этот, что ли?

– Я его последнее время сам усовершенствовал. На завод для ознакомления можно пускать только учителей начальных классов. А если сюда пытается проникнуть еще кто-нибудь, то таких ни в коем случае нельзя пропускать. А то еще набросают незаметно схему или все сфотографируют. Что это за люди в пролете между цехами?

– Какие люди?

– Вы разве не видели?

– Нет.

– Ну вот, вам теперь понятно, как плохо у нас с секретностью? Толпа посторонних преспокойно разгуливает по комбинату. Черт побери! Пойдемте посмотрим, может, они еще там.

Он схватил Тасу за рукав, потащил к узкоколейке между цехами. По двору шли на обед конторские девушки. Вдали на площадке с пиломатериалами работал погрузчик. Ветер кружил на дворе песок.

– Их здесь уже нет, – сказали инженер.

– Да, похоже, что нет, – ответил Таса.
 – Мне самому пришлось их выгонять, хотя это ваша работа.

Они снова вернулись к фасаду отбельного цеха. Внутри за две рцей рабочие покатывались со смеху. Инженер вынул сигарету, закурил.

– Жду вас в тринадцать тридцать в офисе. Ровно в тринадцать тридцать. Попрошу мою секретаршу записать вас на прием.

– Ясно, – сказал Таса.

Инженер пошел в сторону ремонтной мастерской. Шел он как-то боком, выставив один бок вперед. Как гончая собака. Рабочие снова вышли из цеха во двор, стали смотреть ему вслед. У стены стояли их портфели и сумки, они повывнимали из сумок еду, начали есть. Инженер остановился у велосипедной стойки, принялся осматривать велосипеды. К некоторым подходил, трогал рукой.

– Нет у него никакого секретаря, – сказал кто-то из рабочих.

– Что это с ним? – спросил Таса.

– Это с ним уже давно. По ночам, говорят, прибегает на комбинат, спрашивает, что случилось. Говорит, ему постоянно отсюда звонят. Хотя на самом деле никто ему не звонит. Если проблемы, мастера звонят другому инженеру.

Инженер вошел в дверь ремонтной мастерской. Рабочие поели, стали убирать пустые склянки в сумки. Из мастерской почти бегом мчался инженер. За его спиной в такт шагам вздымались развевающиеся полы расстегнутого пиджака.

– Все приходится самому контролировать. Вы еще здесь? А ну быстро за работу! – закричал он.

Все стояли молча. Инженер подходил вплотную к каждому рабочему и на расстоянии пяти сантиметров смотрел им прямо в глаза. Потом вошел в дверцу цеха и поднялся по лестнице на второй этаж. Из отбельной через старое здание завода можно было пройти в контору.

Он, видимо, туда и пошел. А может, вышел с противоположной стороны к берегу. Но криков слышно не было.

II

К тринадцати тридцати Таса пошел в контору. Кабинет инженера был за поворотом коридора, окно выходило во двор. У стеклянной двери на деревянной дощечке пластиковыми буквами была написана фамилия инженера. Таса постучал в дверь, инженер крикнул – войдите. Таса вошел, встала дверь. Инженер сидел за столом. И стол, и подоконник были полны бумаг. Горы бумаг лежали и на полу, и на невысоком шкафу у другой стены.

– Здравствуйте, – сказал инженер.

– Здравствуйте.

– Садитесь вон туда.

Таса взял стул, поставил у стены. Стены конторы прямо по старым обоям были покрашены в белый цвет. Рисунок обоев проступал сквозь краску – цветы и листья.

– Что вы хотели?

– Вы велели прийти.

– Ах да. Голова кругом идет, столько всего приходится помнить. Надо здесь все реорганизовать, необходимо добавить одного инженера. Иначе ничего не выйдет, деятельность за эти двадцать лет, что я здесь работаю, очень расширилась.

– Да.

– Я вот подумал, вы ведь одинокий человек, заходите к нам. Вам, наверное, скучно в такой плуши. Здесь нет никаких развлечений. Жена приготовит еду, в баню ходим. Может, сегодня вечером?

– Хорошо, я свободен.

– Договорились. Где я живу, знаете?

– Нет.

– Если идти от завода, после моста второй дом слева. Там сад и яблони. В этом году яблок, наверное, не будет. В прошлом году их было очень много, прямо

девать было некуда. Ав этом году пусто. Какбудто деревья год-два отдыхают. И люди бы так должны. Приходите после семи. Я баню заранее затоплю.

– Хорошо.

– У нас есть и полотенца, и все такое, ничего своего приносить не надо. А то жена еще обидится, решиг, что вы считаете – у нее мало полотенец. У женщин ведь всякие мысли бывают.

Таса улыбнулся и встал, собрался уходить.

– Как вам работа, вы ведь только начали?

– Все хорошо.

– Никаких проблем?

– Да ничего такого существенного.

– И с рабочими нормальные отношения?

– Да.

– На дневную работу стараются поставить всегда в помощники лентяев и неумех.

– Да все они нормально работают.

– Ну, вечером поговорим об этом.

Таса через пожарную дверь вышел из конторы в здание старого завода. Гул завода доносился как сквозь звуковой фильтр. Таса взял в автомате чашку кофе с сахаром и сливками за пятьдесят пенни. Нажал кнопку, и кофе полилось в картонный стаканчик. Кофе был горячий и невкусный. Выпив кофе, он выкинул стаканчик в большую пластмассовую корзину у автомата. Там уже было много стаканчиков.

Вышел к цеху варки и поднялся по лестнице к варочному котлу. На перекрытии рабочие монтировали трубы. Спецы монтировали, а дневные рабочие сидели на перекрытии. Монтажники командовали, чтобы им подносили трубы, рабочие вставляли и втаскивали трубы через окна цеха. Вентили они поднимали на лифте и носили по двое или втроем. Монтажники лазали по стене по старым трубопроводам, устанавливали вентили.

На высоте около тридцати метров. Лазали осторожно.

– Может, это и есть изобретенные инженером секретные технологические детали.

– Да уж, как же, – сказал Таса.

– Что будем делать, если нагрянут шпионы?

– Может, все-таки поработаем?

По пожарной лестнице на перекрытие поднялся варщик.

– Вас инженер просит к телефону.

Таса пошел, варщик за ним. Вошли в варочный цех, там прошли в стеклянную конторку с телефоном.

– Я вас в окошко звал, но вы не слышали, – сказал варщик.

– Я слушаю.

– Эти люди теперь на площадке с пиломатериалом, я вижу их в окно.

– Пойду посмотрю.

– Прихватите парочку рабочих.

– Дая и один справлюсь.

– Лучше взять побольше народу. Я там вижу и Мьярянена, он здесь когда-то работал. Они его взяли с собой, потому что он все здесь знает.

– Понятно.

– Вы ему скажите, пусть не просится обратно на работу, я сейчас предупрежу отдел кадров.

– Пока.

Таса положил трубку, спустился на лифте на первый этаж. До склада пиломатериалов надо было идти по узкоколейке мимо горы щепы. Трактор перетаскивал вагонетки со щепой. У берега углубляли дно. На древесном складе о посторонних никто ничего не знал.

III

В семь часов Таса пошел из поселка в сторону комбината. От моста по левую сторону отсчитал второй дом. У дороги был сад, во дворе стоял гараж. Коттедж квадратной формы, по обе стороны крыльца толстые белые колонны до

самой крыши, как в американских сериалах. Позвонил в звонок. Инженер открыл дверь. Он был в том же костюме, что и на заводе, с галстуком.

– Входите.

– Я хотел принести вашей жене цветы, но забыл.

– Какой такой жене?

– Вашей.

– Я разведен.

– А я думал, вы женаты.

– Мы развелись, она живет в Котке. Вышла замуж за инженера. Пришлось за инженера выйти, других мужчин она и не знает, пятнадцать лет со мной прожила.

Прошли в переднюю и оттуда через двухстворчатую дверь в гостиную. Инженер прошел вперед, сел в кресло. Указал на другое. На столе стояла пепельница, полная окурков. Инженер курил, стряхивал пепел в переполненную пепельницу, пепел сыпался на стол, отражался в стеклянной поверхности.

– Когда я сегодня пришел домой, те люди были в саду.

– Надо же.

– Это изобретение я даром не отдам. Я знаю одного профессора, у него после войны русские украли одно изобретение, просто взяли и забрали, хоть это была его собственность. А через два года в Америке началось массовое производство.

– Надо же.

– Я вам прямо скажу, меня тут никто не проведет. Я запатентую это изобретение, и все. Верите?

– Верю.

– Я столько ночей провел за расчетами, и теперь никому это не отдам. Я сейчас вам покажу.

Он встал и вышел в другую комнату. Вернулся с большой папкой, открыл ее, вынул два листа бумаги, протянул их через стол Таса. Тот попытался прочесть, но почерк был такой мелкий и карандаш

такой нечеткий, что ничего было не разобрать.

– Я все записал на этих двух листах, чтобы, если что случится, изобретение не пропало. Это шифр. Читайте.

– Я не понимаю.

– Да вам и не понять, – засмеялся инженер. – Как-то утром на кухне стоял человек, он был похож на меня. Какое зеркальное отражение. Он стоял молчал. Такое чувство бывает, когда внезапно проснешься и понимаешь, что во вне побывал по ту сторону, но вспомнить ничего не можешь. Такое ощущение, будто разваливаешься на мелкие куски и надо крепко обхватить себя руками, чтобы не рассыпаться.

– Да, бывает.

– Я вот думаю, может это я сам нанялся шпионом на какой-нибудь иностранный комбинат, – усмехнулся инженер.

– Мне пора.

– Посидите еще.

– Нет, я должен идти.

– Ну, ничего не поделаешь.

Таса встал, поблагодарил. Инженер тоже встал, пошел провожать. Начался дождь. Чтобы не промокнуть, инженер не стал спускаться с крыльца. На дворе было темно, пришлось отыскивать дорогу по памяти.

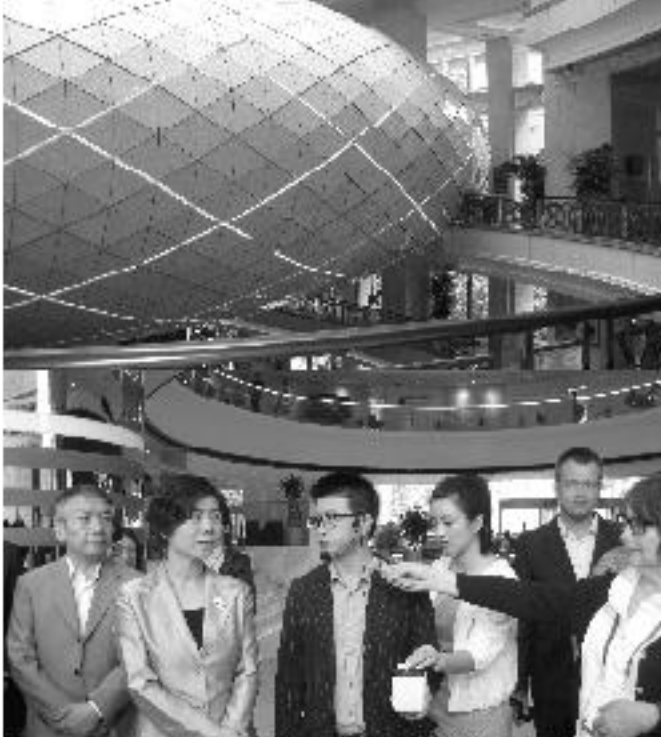
– Если кого-нибудь увидите, гоните! Нечего им здесь околачиваться! – крикнул след инженер.

– Да тут вообще ничего не видно, тьма кромешная.

– Да вы смотрите внимательнее, в темноте лица можно разглядеть, они светлые. Хотя, они, правда, могли их сажей измазать.

Antti Tuuri: Novellit. Otava 1983

FILI
FINNISH LITERATURE OF THE NINETEENTH

XVI Конгресс ВАРП прошел в г. Шанхае 18-22 мая 2014 года

60 лет русского вещания
Международного радио Китая
110 лет ТАСС

Алексей Филимонов

***

Ай, кит! – Китай –
Большая рыба.
На оплывающем песке.
Отлив уносит торопливо
Тобой зажатое вруке.

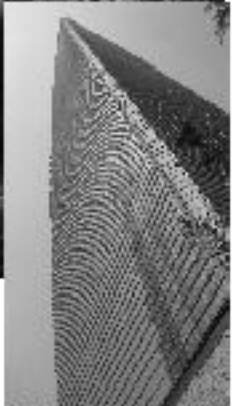
Сочится время Поднебесной
И с синевой восходит в ночь.
Дракон таится
В глине тесной,
Не в духе время превозмочь.

На гребне пагоды всё также,
За императором
Вослед,
Шагают призрачные стражи
Теней, которых ныне нет.

И современности причастны
Лишь пепел, вздох
И блеск огня,
Вослед пронзившего бесстрастно
Из глаз прохожего меня.

На фото слева сверху вниз: зал заседаний в гостинице Grand Central Hotel Shanghai; встреча с коллегами МРК; директор службы сецпроектв МРК Фань Бинбин с участниками Конгресса ВАРП; ресторан в Старом городе.

У памятника А.С. Пушкину

Венчание Александра Вертинского и Пидия Циргвазы в Кафедральном соборе. Шанхай 23 апреля 1942

1942年4月23日，亚历山大·维廷斯基和皮迪亚·齐尔格瓦西在圣彼得堡大教堂举行婚礼。

Бэй Та

ВСТУПАЯ В ОСЕНЬ

Почти за одно мгновение
Огромная башня у подножия осени
Рухнула с чудовищным грохотом
Неисчислимые легенды как головастики
Изливаются из её чрева
И плывут в бассейн стремящийся пересохнуть
По скрытному протоку.

Человек бредущий к осеннему саду
Подобен камню катящемуся к могиле
Человек сидящий в своей библиотеке осенью
Стал камнем канувшим в морскую пучину
А время – время подобно его солёным водам
Оно вступило в смертельную схватку
С ручными часами берегов
Мы сами породили хронометриста,
Закутанные в поле битвы жизни со смертью.

Я стану влачить трупы насекомых как муравей
Нести на себе раненых всадников как дикая лошадь
Вам придётся пересоздать меня в кущи
И вынудить зиму раздавать пламя.

СЕДЛО

Скаковая отдавала ему гриву и частицы кожи
Галопируя и наконец потеряла
Свои кости и внутренности. Ба* крепкого седла
Упала в поток рынка Паньцзюянь всё ещё неся Ка
Наездника которую секли и играли на ней как на скрипке
Подобно странице вахтенного журнала взорванного на пляже
Между строк впитываемых неизвестностью
Гнев моря непреходящ он катится и нарастает.

* В древнем Китае существовало по верье о двух видах души: почтовой души и души гунна, которое почти совпадало с идеей души у древних египтян. Каждый египтянин полагал, что у него имеется душа Ка и душа Ба. Ба означало персональную душу, соответствующую личностности и поступкам. Ка владела жизненным и силами всех людей.

Перевод с китайского **Алексея Филимонова**

Бэй Та (настоящее имя Сюй Вэйфэн) – поэт, учёный, переводчик. Уроженец провинции Цзянсу. Работает в музее современной китайской литературы при Союзе китайских писателей, генеральный секретарь отделения по изучению Шекспира Китайской ассоциации по исследованию иностранной литературы. Стихи переведены на английский, немецкий, всего около десятка, иностранных языков. Отмечен премиями на Родине и за рубежом.

**Международный
научно-практический семинар
«Россия и Европа: диалог культур»
19-20 марта 2014 г.
Хельсинки**

Тексты докладов

Татьяна Артемьева

Докт. филос. наук, профессор кафедры теории и истории культуры РГПУ им. А.И.Герцена, Санкт-Петербург

Россия и Европа в контексте визуальной коммуникации эпохи Просвещения

Процесс культурного обмена и интенсифицировавшийся в России XVIII века предполагал усвоение не только идей, но и визуальных образов. Начало было положено публикацией в Амстердаме 1705 г. первого российского «словаря эмблем» под названием «Символы и Емблемата». Петр I, по чьему приказу было осуществлено издание, посчитал его настолько значимым, что напечатал за границей, еще до создания собственных типографий. Эта книга содержала 840 эмблем с девизами на девяти языках (русском, латинском, французском, итальянском, испанском, немецком, английском, голландском и фламандском). Одним из важнейших источников был сборник эмблем «Devises et emblems» Даниэля де ля Фея, изданный в Амстердаме в 1691 г. и его же «Devises et emblems d'amour anciennes et modernes...» (Amsterdam, 1696). Среди важных, но опосредованных – «Иконология» Цезаре Рипа чрезвычайно популярная в Европе и выдержавшая там много изданий.

Из ранних, но не таких популярных иконологических источников можно назвать сборник «Ифика Иерополитика, или философия нравоучительная, символами и приуподоблениями изъясненная, сочиненная монахами Киевопечерскаго монастыря с фигурами». Киев, 1712. Второе издание было осуществлено в Санкт-Петербурге в 1718 г. Над иллюстрациями к сборнику

работал гравер Никодим Зубрицкий (г. р. неизвестен –1724). Очевидно, что в этом случае образы черпались из западноевропейских изданий.

В первой половине XVIII века в России был известен также сборник эмблем «Овидиевы фигуры в 226 изображениях» (СПб. 1722), представлявший собой перевод книги, изданной И.У. Краусом с гравюрами П. Пиката, И. Мякишева, С. Матвеева, И. Любецкого, А. Ростовцева (перегравированных с издания Крауса). Иллюстрации интересны определенным религиозно-мифологическим синкретизмом. Так, изображения творения мира Юпитером («1. Все вещи едино смешаны») и сотворения человека Прометеем («2. Сотворение Человека») напоминают не столько античный, сколько ветхозаветный сюжет. В особенности это касается эмблемы «8. Потоп», сопровождаемой текстом: «Егда вселюди отступниками учинились и тогда Юпитер погубил их всех потопом!». Смещение, а точнее смещение классической и библейской символики достаточно характерно для эмблемы, где подчас неразличимы ангелы и купидоны, античные боги их христианские добродетели.

«Символы и Емблемата» на долгие годы становится главным источником для построения визуальных рядов культуры. В 1788 году сборник был переиздан Н.М. Максимовичем-Амбодиком. В 1809–1811 году он выпускает новое издание в 2-х частях под названием «Емвлемыи символы избранные... прежде в Амстердаме, а ныне во граде св. Петра напечатанные, умноженные и исправленные. Нестором Максимовичем-Амбодиком». (СПб, 1788. (2-е изд. Ч 1-2. СПб, 1809–1811)).

Максимович-Амбодик «умножил» амстердамское издание не только новым визуальным рядом, но и большим разделом, посвященном принципам описания. Он во многом заимствованы из сочинения Лакомба де Презеля «Иконологический лексикон» (СПб, 1763). ДеПрезель ориентирует свое издание прежде всего как «руководство к познанию живописного и резного художеств, медалей, эстампов и проч.». Он

рассматривает аллегорические изображения как способ передачи некоторого художественного образа. «... Художнику необходимо знать должно... положение и вид, в каких оныя страсти представляться имеют: ибо из разных движений глаз, рук, ног, так как человек, будучи объят какою страстию, некоторым образом сам из себя выступает, познаваются его мысли. По таким движениям Страсти легко познавать можно, чему научить нас может Иконология. Она показывает, что *Щедрость* имеет отверстыя, *Скупость* сжатые, а *Просьба* сложенные вместе руки. Она представляет *радость* сукрашенною цв етами головою, с веселыми глазами и смеющимися устами, а черты на лице ея изобразит на самыми приятными красками. *Ужас* представит с удивляющими мся лицом, стоящими дыбом волосами, с отверстым ртом, с поднятыми вверх руками, кои неподвижны, и с пристальным взором»².

Значительная часть издания Максимовича-Амбодика представляет собой «Иконологическое описание эмблематических изображений». Она содержит разделы: «Бог, Божество и служители Божии», «Добродетели, пороки, страсти», «Науки, искусства, художества», «Мнимые божки язычников», «Стихии, явления воздушныя и солнца», «Время и перемены или течения времени». Есть также разделы, посвященные животным, растениям и т.д. В этой части даются конкретные указания на то, как, в соответствии с принятой европейской традицией, следует изображать те или иные явления духовной, политической, или, даже моральной сферы.

Несмотря на «международный» характер сборников эмблем, и, казалось бы невозможность выделить в них специфические «национальные» сюжеты, можно отметить, что российские сборники отличала определенная метафизическая серьезность и сознательное удаление от куртуазности европейских изданий.

Популярность изданий Максимовича-Амбодика была связана с основательностью его намерений. Он выступил как энциклопедист-классификатор: упорядо-

чил визуальные ряды, придал им статус системы и воспроизвел во всей возможной полноте. Это сделало его издания поистине бесценным справочником, когда нужно было составить какой-либо символический текст, будь то дворянский герб, фронтиспис к книге, садово-парковую или архитектурную композицию, придворное празднество, фейерверк и т.п.

Знание эмблематического языка и активное использование его в культуре позволяло создавать сложные тексты, где эмблемы и девизы не просто помогали понять содержание того или иного явления, но формировали к нему эмоциональное отношение. Часто эмблема играла роль своеобразного эпиграфа, аккумулируя в себе содержание и дух всего произведения. Исследователь просвещенческой эмблематики А. Е. Махов называет эмблематику «аббревиатурой знания», отмечая что она выполняла роль «*incitamentum in tellectus*», «умственного стимула»³. Это свойство эмблематического изображения использовалось в изданиях, дополняя тем самым основную мысль автора, причем не только в XVIII веке.

Эмблемы использовались как конспекты, или планы к будущим сочинениям. Так, М.В. Ломоносов предполагал изложить общую теорию «корпускулярной философии» в «Системе всей физики» и «Микрологии» (1763–1764), однако успел набросать лишь предварительный план этих работ. Он хотел выстроить гармоничную и непротиворечивую картину мира, показав, что «все связано единою силою и согласованием природы». Главная идея отражена в проекте оформления титульного листа, своеобразного аллегорического «эпиграфа», разработанного и описанного довольно тщательно: «В картуше под титулом представить Натуру, стоящую главою выше облак, звездами и планетами украшенную, покрытую облачною фатою, в иных местах открытую, около ног – Купидоны, иной смотрит в микроскоп, иной с циркулом и с цифирною доскою, иной на голову из трубы смотрит, иной в иготь принимает падающие из рога вещи и текущее из сосцов

ее молоко. Все общеносят на одну таблицу и пишут ее. Надпись: Все согласуется»⁴.

Ломоносов был автором ряда исторических произведений. Это прежде всего «Древняя Российская история», разнообразные «примечания», «замечания», «добавления» и «репорты», связанные с полемикой внутри Академии наук, «Описание стрелецких бунтов», «Краткий Российский летописец с родословием». По его мнению, история представляет собой «славное прошлое», являющееся своеобразным «вектором», по которому развиваются настоящие события, «она дает государям примеры правления, подданным – повиновения, воинам – мужества, судиям – правосудия, младым – старых разум, престарелым – сугубую твердость в советах, каждому незлобивое увеселение, несказанную пользу соединенное»⁵. Ломоносов полагает, что главные события российской истории необходимо увековечить в живописи, поэту пишет «Идеи для живописных картин из Российской истории». Ломоносов предлагает увековечить следующие сюжеты: «Основание христианства в России»; «Единоборство князя Мстислава»; «Горислава»; «Мономахово венчание на царство»; «Победа Александра Невского над немцами ливонскими на Чудском озере»; «Низвержение татарского ига»; «Приведение новгородцев под самодержавство»; «Право высокой фамилии Романовых на престол все-российский»; «Князь Дмитрий Михайлович Пожарский в опасности от злодея...»; «Царь Василий Иванович Шуйский при венчании своем на царство клянется боярам, что он прежних враждеб помнит не будет...»; «Гермоген, патриарх московский, посажен в тюрьме...» и др.

Сборник «Иконология, объясненная лицами, или полное собрание аллегорий, эмблем и пр.» (Т. 1-2. М., 1803) с параллельными текстами на русском, французском и немецком языках представляет особый интерес. Он включает не только традиционные описания добродетелей и пороков, но и эмблематику эпистемологического характера, изображающую «Понятие», «Истину», «Мысли», «Учения», «Убеж-

дение», «Идею», «Волю», «Размышления», «Ослепление разума», «Разум», «Опыт», «Познание», «Мудрость», «Мнение» и т.п.

Традиция визуализации абстрактных понятий не закончилась в XVIII веке. Поэты-«символисты» *Золотого века* Просвещения использовали для пояснения своих идей иллюстрации. Поэты-символисты *Серебряного века* просвещенных использовали интеллектуальные метафоры для создания визуальных образов. Фундаментальное исследование известного австрийского слависта А. Ханзен-Леве «Мифопоэтический символизм». (СПб, 2003), всесторонне проанализировавшего систему поэтических мотивов русских символистов по сути представляет собой своеобразную энциклопедию их символических и эмблематических сущностей. Систематизация и типологизация творчества поэтов-символистов как бы зашифровывает многообразие их образных миров в стройную систему понятий, и поэтому поразительно напоминает сборники эмблем. Отсутствие графических пояснений не является принципиальным, так как в данном случае имеется основная часть эмблемы – описание (*subscription*). Так, например, мы видим символику синего и голубого, розы или лилии, утренней и вечерней зари, что видно, например, и в названии разделов: «Небо и эфир», «Лазурь, синий и голубой», «Роза и лилия», «Утренняя заря», «Вечерняя заря» и заход солнца» и т.п. Разумеется это не простое совпадение. Полученный результат выявляет архетипический характер поэтических метафор и позволяет видеть их истоки не только в классической мифологии и славянском фольклоре, но и в символической эмблематической культуре века Просвещения. Подобное совпадение может служить определенным свидетельством однородности российской культуры, сохранявшей свою структурную целостность на протяжении столетий.

Эмблематические формы поэтического сознания создали систему коммуникации и передачи эстетических концептов, обеспечив однородность художественного про-

странства. Более того, системы визуализаций сформировали кросс-культурный интеллектуальный континуум, делающий возможным движение идей сквозь языковые и временные преграды.

Публикация подготовлена в рамках, поддержанного РГНФ научного проекта №14-03-00110.

Литература

¹ Овидиевы фигуры в 226 изображениях (СПб. 1722). Б. с.

² Лакомб де Презель Иконологический лексикон или руководство к познанию живописного и резного художеств, медалей, эстампов и проч. С фр. пер. Академии наук переводчиком Иваном Акимовым. СПб, 1763. Б. с.

³ Махов А.Е. «Печать недвижимых дум» // Эмблемы и символы. М., 1995. С. 13.

⁴ Ломоносов М.В. (Заметки к Системе всей физики и «Микрологии») // Полн. собр. соч. Т. III. М.; Л., 1952. С. 491, 495.

⁵ Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т. 6. М.; Л., 1952. С. 171.

Людмила Гатагова

Канд. ист. н., Институт истории РАН

Европеец и великая война на страницах книжной серии «Мировая война в рассказах и иллюстрациях»

(Издание И.Д. Сытина 1915 г.)

Мировой конфликт 1914 года привнес в жизнь человечества множество новых смыслов и сюжетов. Феномен войны можно анализировать под разным углом зрения, в том числе, и как опыт освоения сферы Другого, Иного. Если вывести за скобки крайне небольшой процент образованных, европейски ориентированных подданных империи, не понаслышке знакомых с Европой, то для подавляющей части русского населения внешний мир представлял собой сплошную terra incognita. К началу войны российское общество было крайне неоднородным и в огромной степени сегментированным. Картины мира, сложившиеся внутри различных социальных слоев и многочисленных этнических сообществ, разительно отличались друг от друга: линия раздела пролегла по оппозициям «столица-провинция», «центр-периферия», «город-деревня», «народ-интеллигенция», «русские-иностранцы», «православные-иноверцы» и т.д., не говоря уже о сословных различиях и разрывах в уровне образования¹.

Едва истек пятый месяц мирового противостояния, как И.Д. Сытин начал изда-

вать книжную серию, планировавшуюся в виде ежемесячного иллюстрированного сборника. Инициаторы издания предприняли попытку беллетризации хроники войны, если можно так выразиться, в режиме *online*, – публикуя произведения, буквально только что вышедшие из-под пера оперативно отражавшие происходящее на фронтах.

Какими идеями и установками руководствовало издательство И.Д. Сытина, осуществляя подборку материала для серии? В первую очередь, перед ее создателями стояла задача внедрить в сознание читателя образ *врага* в лице Германии и немцев.

Принцип подбора литературного и публицистического материала наглядно иллюстрирует намерение создателей серии не только показать неприглядный облик врага, но и убедить читателя в неотвратимости его наказания. Развернувшаяся с первых дней войны антигерманская пропаганда приобрела беспрецедентный для России размах². До начала Первой мировой войны антигерманские образы врага в России не были распространены. В русском менталитете существовал позитивный образ Германии, как традиционного культурного ориентира³.

Статья в январской книжке изобилует сравнениями современного германского милитаристского духа с деяниями древних тевтонов. Тем самым конфликт вводится в систему исторических аналогий. Читателя убеждают в существовании некоей исторической закономерности, проявляющейся в неизменности и повторяемости экспансионистских интенций немцев. Подобные приемы весьма типичны для европейской патриотической литературы: обращение к историческим прецедентам, как правило, придает весомости объяснительным моделям и, в то же время, напоминает читателям об их собственной истории, об их корнях, о национальном единстве, о скрепленном общей судьбой. Неважно, что исторические реминисценции обычно пропитаны изрядной долей мифологизма. Опыт человечества неоспоримо свидетельствует, что для поднятия народного духа мифы играют

гораздо более значимую роль, нежели самые аргументированные и объективные исторические построения.

Статья «Коронованные поджигатели мировой войны», одобренная рядом выразительных карикатур, обличает немецкого кайзера Вильгельма II (а заодно с ним и кронпринца, по мнению автора, не в меру увлеченного образом «гения войны» Наполеона Бонапарта). Автор не скупится на хлесткие эпитеты в адрес кайзера: он и «беспощадный», и «кровожадный», и «самодовольный», и «озлобленный». Критике подвергся не только образ мыслей немецкого императора, но и его и его наследника внешний облик, привычки и склонности. Достается и немецкому народу в целом. Автор осуждает «бесконечную пошлость немецкого шовинизма»⁴. Другой литератор, Герберт Уэллс в своей статье утверждает, что душу Германии захватил прусский милитаризм. По его мнению, немцы намереваются «пруссифицировать» мир.

Кайзер – постоянный объект едкой сатиры. Примкнувший к итальянским волонтерам на юге Франции 13-летний французский мальчуган Фернанд Гюэ, впоследствии погибший смертью героя в битве под Суассоном, постоянно напевал песенку: «– Вильгельм, уса́тый толстый «бош», / Бредет по грязи без калош./ Куда спешишь? / – В Париж! / Иду я на обед... / – Обед нет! Обед нет!». Милитаристский пыл кайзера и его сына воспринимается с неприкрытым сарказмом, снижающим эффект исходящей от них угрозы.

В книжках серии гневно осуждаются жестокости, творимые германской армией. Немцев именуют «шакалами в человеческом образе», иронизируя над своими же собственными представлениями о них, как о «культурном народе».

Как и во всякой пропагандистской литературе, в книжной серии И.Д. Сытина явно просматривается стремление принизить противника, минимизировать его угрожающий потенциал. Впрочем, это не мешало реально оценивать мощь «дивинного снаряда», только что привезенного из Эссена, с завода Круппа, или признавать

уровень подготовки специальных немецких стрелков, прозванных англичанами *drops* за особую манеру стрелять под углом в 45 градусов, опустившись на одно колено. Несмотря на эпизодические комплименты в адрес военной мощи Германии, немцы все же представляли перед читателем в довольно неприглядном виде. Даже их манера ходить в атаку – как можно больше шуметь, бить в барабаны, трубить в трубы, разворачивать знамена – зло высмеивалась сдержанными, презирующими внешние эффекты англичанами.

Немецкие шпионы, по уверениям пропаганды, заповилившие страны Европы, изображались если не зловеще, то карикатурно. Рассказ русского автора Е. Воронова под красноречивым названием «Паразиты», начиненный самыми нелепыми стереотипами, иллюстрирующими представления русских о немцах и об образе «типичного» немецкого шпиона. Неблагодарные, тупые, жадные, жестокие отпрыски бюргерских семейств неспособны вызвать никаких иных чувств, кроме отвращения. Подобный вкусовой и эмоциональный перебор весьма характерен для пропагандистского жанра.

Зловещий и одновременно карикатурный образ врага резко контрастировал с привлекательным, окрашенным в героические тона образом союзника. Подбор материала каждой книжки сытинского издания «работал» на то, чтобы убедить российских граждан в существовании согласия между Россией и ее союзниками и создать позитивный образ союзных государств в глазах населения империи. Во вводной статье первой книжки есть примечательная фраза: «В Европе каждый ребенок знал, что в случае войны с Германией Франция не оставит Россию одну, а Россия – Францию». Вряд ли можно было утверждать то же самое относительно российских детей – и не только их...

Содержание сытинских книжек иллюстрирует стремление внедрить позитивный образ союзных государств и их народов в российское массовое сознание, не слишком обремененное знанием европейских реалий и, тем более, менталитета европейцев. Бла-

годаря публикуемым материалам, читатель попадает в эпицентр военных сражений, в гущу городской и сельской жизни воюющих государств, в оккупированные районы Европы. Перед ним проходят образы рядовых бельгийцев, французов, англичан, итальянцев – разных по происхождению и социальному статусу людей, оказавшихся в экстремальных обстоятельствах и вынужденных принимать трудные решения.

Французские зарисовки английского художника Л. Хорнби позволяют русскому читателю зримо ощутить внутреннюю атмосферу в воюющей Франции. Художнику удалось передать состояние тревоги и напряженности, охватившей французское общество в первые дни войны. Из его описания читатель узнает, что Гавр был буквально наводнен британскими войсками. Местные жители напевали песенку о «Томми» (собирательное имя англичан), лейтмотив которой был примерно таким: хотя ты, Томми, и никуда не годишься, но когда начнут свистеть пули, мы благословляем тебя, Томми.

Одним из любимейших героев начального периода войны стал бельгийский король. По-видимому, образ монарха-страдальца оказался весьма привлекательным для российского массового сознания⁵. Всеобщее сочувствие вызывал и народ Бельгии. В разделе «Из бельгийских переживаний» мы знакомимся со старым звоном Миссероном, давно отошедшем от дел, однако в день появления пруссаков нашедшем в себе силы подняться на колокольню для того, чтобы исполнить гимн города Монса и поднять дух своих земляков.

В серии соседствуют очерки, содержащие серьезный анализ событий, и бесхитростные рассказы о героизме маленького человека. Образы литературных героев, реальные или вымышленные, не могли не вызывать сочувствие и сопереживание. Деревенский пастих Франек, вызвавший, подобно русскому крестьянину Ивану Сусанину, сопровождать немцев, привел их под огонь русской казачьей сотни. Мало кого могла оставить равнодушным трагическая гибель известного французского композитора Альбери-

ка Маньяра, бросившегося защищать неприкосновенность своего жилища с ружьем в руках и сраженного немецкой пулей.

Или история французского мальчика Эмиля Дюпре, схваченного немцами, когда он оказывал помощь раненому французу. Немецкий капитан дал ему в руки ружье и потребовал, чтобы он выстрелил в раненого, которому только что оказывал помощь. Мальчик вскинул ружье, мгновенно повернулся в обратную сторону и застрелил капитана. Его забили штыками.

Победным духом проникнуты все фронтовые сюжеты. Истинным героем проявил себя британский шкипер Гарри Спинк из Глочестера, сумевший на углу торгового суденышке (предусмотрительно снабженном медной пушкой), потопить боевую немецкую субмарину. Покончив с неприятелем, он заявил: «А я сделаю вот что. Отправлюсь прямехонько в адмиралтейство и попрошу Уинстона Черчилля дать мне орден». Практически в каждом выпуске серии можно найти рассказ, иллюстрирующий, какие чудеса храбрости и смекалки демонстрировали европейцы. Префект французского Лилля помог ускользнуть из занятого немцами города 15-ти тысячам военнообязанных французов, которым грозил по меньшей мере плен.

В рассказе М. Кольроя бывший французский легионер Гаспар, когда-то служивший при слонах сиамского короля, прослышав от пленного немца, что в качестве тягловой силы в его батальоне используют 15 слонов, переодетых в немецкую форму, пробрался со своей позиции в лагерь неприятеля и с помощью известных ему приемов дрессировки сумел вызвать у слонов гнев и умело обратить его в свою пользу: когда французы пошли в наступление с одной стороны, – с другой взбешенные слоны перекрыли немцам путь к отступлению, учинив кровавое побоище...

Рассказчики восхищаются самообладанием, проявляемым населением целых городов. Жители Парижа, подвергавшиеся ежедневным налетам немецких таубе, настолько привыкли к ним, что даже перестали обращать на это внимание. Широкою

известность получила фраза уличного «гавроша», который, задрав голову, прокричал: «Да что ж ты!... Бросай же, наконец, свою бомбу, а то мне пора обедать». Яркое описание лобовой атаки, произошедшей 26 августа 1914 г. в местности Камбрэ, оставил рядовой Д. Паркинсон, солдат одной из рот батальона гордонского хайлендского (горно-шотландского) полка. В его речи уже сквозят нотки победителя, хотя война только-только началась и одному Богу было известно, во что она выльется: «Они пошли на нас в атаку, выбегая из своих окопов огромными толпами, сомкнутыми рядами, потому что их игра состояла в том, чтобы опрокинуть нас своей численностью, своей массой. Но мы расстреливали их чуть не всех поголовно».

Судя по сюжетам некоторых рассказов, создатели серии стремились к преодолению бытующей в среде правящих кругов англофобии⁶. Сержант ирландского стрелкового кильмартенского полка Друд, попавший в плен к отряду тирольцев и обвиненный в шпионаже, демонстрирует образец отваги и самоотверженности. Рассказ о нем (что примечательно, – вышедший из-под пера русского автора!) сопровождается следующей тирадой: «Он был сыном великой и гордой нации, – нации, которая своим девизом поставила лучший из девизов в мире: – Ни когда, никогда англичанин не будет рабом. И он отказался отвечать на вопросы». Рассказ был напечатан в апрельском выпуске, а уже в мае в Москве состоялось первое заседание Общества сближения с Англией (ОСА). Следом возникли Общество английского флага, Русско-английское общество⁷.

Мировой конфликт затянул в свой гигантский водоворот миллионы людей разных культур, разной этнической и конфессиональной принадлежности. Перед читателем сытинских книжек предстали два образа европейца: европеец-враг и европеец-союзник. И если врагу достались самые хлесткие, уничижительные характеристики, то образ европейца, напротив, был насквозь пронизан духом неистребимой победительности, о каком бы толке Европы не шло речь: ведь

география сюжетов сытинского издания чрезвычайно широка. Прямолинейность и в некотором роде даже примитивность литературной пропаганды отнюдь не умаляют ее эффективности. Подтверждением тому, насколько глубоко одиозный образ немца-врага внедрился в массовое сознание, стал острый всплеск германофобии в России, обернувшийся майскими погромами немцев в Москве в 1915 г. Впрочем, фобии, как известно, обладают значительно более мощным мобилизационным ресурсом, нежели филии... Выпуски серии, разошедшиеся большим тиражом, представили российскому читателю возможность взглянуть на события Первой мировой войны в общеевропейском контексте, реально расширившем горизонты его собственного мировосприятия. К сожалению, сближению европейского и российского миров не суждено было продолжиться в свете последовавших вскоре событий...

Литература:

¹Подробнее см.: Дьячков В.Л., Протасов Л.Г. Великая война и общественное сознание: превратности индоктринации и восприятия // Россия и Первая мировая война... С. 61.

²Федюк В. Борьба с «немецким засильем» // Россия и Германия в XX веке... С. 78.

³Вашек К. Метаморфозы зла: образы врагов плакатной пропаганде в России и Германии в 1930–1950-х годах // Россия и Германия в XX веке... С. 238–239.

⁴Мировая война в рассказах и иллюстрациях. Ежемесячный иллюстрированный сборник. Москва: Издание Товарищества И.Д. Сытина, 1915. Книга I. С. 28. Далее в тексте приведены выдержки из: Кн. I. С. 6, 45; Кн. II. С. 42; Кн. IV. С. 15, 16, 56, 74; Кн. VI. С. 3–19, 39; 73, 83–85, 90–94; Кн. VII. С. 47–48, 53–54, 56; Кн. XII. С. 21–24).

⁵Олейников Д. От рыцарства до презрения. Влияние Первой мировой войны на отношение к немцам // Россия и Германия в XX веке... С. 155.

⁶Об отношении части российского

правящего класса и населения см.: Павлов Д. Знаем ли мы Англию // Российский гражданин. 1916. № 21. С. 3–4.

⁷Ковалева А.С. О взаимоотношениях между русской либеральной буржуазной оппозицией и правительством в ходе Первой мировой войны // Первая мировая война. История и психология... С. 106.

Марина Бабалык

*Канд. филол. н., старший преподаватель
кафедры русской литературы и
журналистики ПетрГУ*

Западные «новизны» в русском христианском сознании: от XVIII века до наших дней

Среди памятников русской рукописной книжности в особую группу текстов выделяются сочинения XVIII–XX вв. нраво-учительного характера, осуждающие пьянство, матерную брань, курение табака, а также западные «новизны».

Как известно, на путь европеизации Россия встала на рубеже XVII–XVIII вв. Если для одной части населения влияние Запада было эквивалентно Просвещению, то для эсхатологически настроенных слоев европейская культура встрогалась в русский христианский мир как предвестник антихристового царства. Узнавание в исторических лицах предтеч антихриста, а то и самого антихриста, определение даты конца света по приметам, ожидание грядущего апокалипсиса стали главной темой в среде «истинно верующих» христиан.

В 1905 году М.И. Успенский опубликовал список старообрядческого сочинения «О древнеобряде». Как пишет исследователь, «этот трактат является одним из памятников борьбы, происходившей в XVIII столетии между защитниками древнерусских традиций и сторонниками усилившегося влияния западно-европейской культуры. В XVIII столетии русское общество, можно сказать, переодевалось: опашень, охабень, однорядка, епанча, ферезья и т.п. исчезали и заменялись новыми, в большинстве случаев иноземными, одеждами. Старообрядцы при этом горячо отста-

ивали древнерусские одежды и осуждали иноземные» [6]. В Древлехранилище Пушкинского Дома нам удалось найти еще один список данного сочинения в сборнике 1886 г. из Латгальского собрания № 16. В этом списке указано, что он был переписан из первоисточника «лета 7394 (1886 г.) августа 20 день в богоспасаемом граде Риге в Гребенщиковской старообрядческой моленны» наставником С.С. Поповым. Обасписка (опубликованный Успенским и Латгальский) близки текстологически, в обоих указано, что выписаны они «из книги поморской рукописной в лето 7288 (1780), апреля в 28 день», а также указано место, где это сочинение было создано и читалось: «Убоимся и мы, беднии, в сей Выговской пустыни последниих християне, да не впадем за наша к Богу прегрешения в таяжде наказания».

В справочнике В.Г. Дружинина это сочинение упоминается под заглавием «О нововводных обычаях» (по списку из ИПБ, О.І. 472, XIX век) [1]. Е.М. Юхименко указывает еще на один список 1825 г. из РГБ, собр. Барсова, № 372, под заглавием «О новомодном платье и носящих длинные власы». Здесь указан автор сочинения – «Сочинитель Лексинскаго погоста болшак Тимофей Андреев» [8]. Тимофей Андреев (Серебрянников) (1745–1809) – выговский писатель и наставник. Как отмечает Е.М. Юхименко, «Андреев уделял большое внимание воспитанию паствы, в частности, его волновало проникновение мирских обычаев в монастырскую жизнь» [7]. О чем же пишет Андреев в своем сочинении, что именно вызывает у него опасения?

Ссылаясь на пророков и святых отцов, обильно цитируя Писание, Андреев пытается показать пагубность увлечения современными «новизнами». Автор вопрошает¹: «Чесо ради, о, любители странных одеяний, не е ужаснетесь? <...> но окаянно

¹Здесь и далее цитируется по списку ИРЛИ, Латгальское собр., № 16.

так безчувствени обретається любяще и красящиеся нововыниклыми (современными – М.Б.) одеждями, щепетливыми обуцами (обувью – М.Б.), красноухищенными покровами, натиранием ваппами (румянами – М.Б.) своих ланит, ушарением (крашением – М.Б.) своих власов, пущением на долзе оных (ращением волос у мужчин – М.Б.)? <...> Любяще же сапозии немецкия, башмаки высокоустроенныя...<...> Откуда прилетеша к нам разлетай-картузы, и асковы-шапочки, аще не от чуждых стран? Откуда к нам зайдоша сапоги немецкия и курпы (башмаки – М.Б.), аще не от иных границ? Откуда из тиха подкатились башмаки высокоустроенныя различными переводами ухищряемыя, аще не от западных стран? Откуда возвезло всякое немецкое платье набедныя россияны, и яко геенскою облече мглою, аще не от люторов и калвинов адских жителей? <...> Откуда влас долгих рашение, откуда кос мужескому полу и париков ношение, откуда всяких иностранных прелестных и мерзостных <...> обычаев употребление, тако спешно вскочи в российския сыны и дщери, аще не от западных краев света?».

Что же плохого в современной западной одежде? Как отмечает А.М. Панченко, «к концу Петрова царствования у русских (даже в среднем слое общества) появилось европейское мироощущение», которое противопоставлялось мироощущению конфессиональному [3]. Западная культура противопоставлялась вере, и, по сути, сама становилась верой в Просвещение. Христианское сознание веками воспитывалось в духе мудрой бдительности («бодрствуйте и молитесь»); согласно Апокалипсису, в конце времен антихрист принесет свою веру, во всем противоположную вере Христовой. Именно эта бдительность заставляла христиан вычислять время «начала конца». И, конечно же, те, кто принимал новшества, становились слугами антихриста, так как принимали новую веру в Просвещение, старались быть похожими на отступников от истинной веры («адских жителей»), заражались западничеством, растлевали свои души.

Нужно отметить, впрочем, что чрезмерное увлечение модой обличали и просветители XVIII в. Достаточно вспомнить произведения А.Д. Кантемира Н.И. Новикова, А.П. Сумарокова, Я.Б. Княжнина и др. Но есть большая разница в творениях старообрядцев и просветителей. Если старообрядцы обличали моду как знак отпадения от Христова учения, то просветители обрушивали свою сатиру на тех, кто, облачаясь в новомодные одежды, пренебрегал знаниями.

Следуя западным обычаям, считает Андреев, люди уподобляются «не точию иноязычником, но и самому дьяволу», ибо дьявол являлся праведникам, например, Сергию Радонежскому, «со множеством вой бесовских <...> во одеждах и шапках литовских и островерхих», «а не (в) древнероссийском и всеспасительном и богоугодном одеянии». Мысль о том, что западная одежда – происки дьявола, подкреплялась еще и тем, что многие нехристианские народы не поддавались западному влиянию: «мнози и невернии языцы не знающеи отнюд Бога, како твердо своя обычаи держат без ущербу, якоже индиане, перси, китайцы, турцы, и прочии бесурмане, толь крепко своя обычаи сохраняют, яко и остати от них всяко нетерпят». Здесь нет противоречия, ведь нехристианские народы не интересуют дьявола, они и так идут в погибель по доброй воле. Дьявола больше интересуют души православных христиан, именно им он уготовал искушения модой. Полюбившийся «новым» христианам галстук – удавка на шее, которой некогда сенаторы задушили короля фряжской земли Евсписиана Нумерианова, полюбившиеся «новым» христианкам в качестве украшения мушки на лице – маскировка на лице блудливой сенаторши Карамши, которую избил любовник.

Подобные мысли высказываются и в других памятниках. Например, в рукописи первой половины XIX в. (БАН, 32.16.14.) помещаются разные тексты нравоучительного содержания, такие как Слово о матерной брани, выписки из апостольских

правил, Потребника и Номоканона, запрещающие брить бороды и усы, Слово о «хмельном питии», где, в частности сказано, что во времена апостольской проповеди сатана «позавиде доброму делу Божию» и начал искать пути погубить христианские души. Один из бесов принес с гор «аравитских» некую траву хмель, насадил ее, научил людей варить зелье, и пошла эта пагуба по всей земле, дошла до западных стран, «и к нам прииде в русскую землю», а вместе с пьянством пришла и «злая брань матерная наосквернение земли, и воздуху, и всей твари, и затем прииде в русскую землю антихристово питье сухое – табак». И это все трактуется как «первая печать антихристовознамения». Далее следуют традиционные для старообрядческих рукописей выписки из книги Феодора Валсамона с проклятиями и тем, кто употребляет табак, чай и кофе.

Изучая эсхатологически насыщенные рукописные тексты старообрядцев и сравнивая их с современными эсхатологическими представлениями, не трудно заметить, что подобный взгляд на западную повседневную культуру ее разнообразных проявлениях характерен для христиан и в наши дни. Исследования представлений о грядущем апокалипсисе в среде верующих в устной традиции проводились не раз (см. работы А.В. Тарабукиной и М.В. Ахметовой). Нам же любопытно было определить, в каких именно текстах современной эпохи бытуют и как трансформируются представления, распространенные в петровскую и постпетровскую эпохи. Таковы, например, сочинение об Антихристе-компьютере, опубликованное Л.С. Соболевой [4], различные анонимные листовки и брошюры с текстами против принятия ИНН, новых паспортов, банковских карт и т.п. Главный призыв этих сочинений – отказаться от западных нововведений ради спасения своей души.

Интересным нам представляется материал «ЗНАМЕНА АПОСТАСИИ: Новая мода – и ее последствия» [2] Братства преп. Иосифа Волоцкого. Здесь сказано, что женщины не должны носить мужскую

одежду, стричь волосы, должны покрывать свою голову; мода – средство управления общественным сознанием. Например, мода на оголенные животы и поясицы у девушек приводит к стерилизации населения. Пришедшее с Запада пагубное увлечение пирсингом готовит людей к чипизации. Перечисляются болезни, появляющиеся из-за моды.

Современные эсхатологические тексты принадлежат так называемой прихрамовой среде (термин А.В. Тарабукиной). Это прицерковный круг, верующие, «ограничившие свой круг общения, а по возможности и свой круг деятельности, церковной оградой» [5]. К прихрамовой среде относятся те, кто исключает из жизни «мирские» влияния, «образцом для них является монашеский аскетический идеал» [5]. Возникла прихрамовая среда на рубеже XIX–XX вв.

А.В. Тарабукина так описывает современные эсхатологические представления прицерковной среды [5]: «Россия, за исключением святых мест, захвачена сатаной. <...> Святые места дьяволу не принадлежат. Там происходит вечная борьба за душу каждого человека между Божественными и сатанинскими силами. <...> Если в России еще остались островки света, то Запад уже давно «поклонился сатане», так как отказался от истинной веры. <...> Еще хуже обстоят дела на Востоке. Восток – место, ... где жители поклоняются непосредственно сатане...». Как видим, представления эти идентичны тем, что находим в сочинении старообрядца XVIII в. Тимофея Андреева (с Запада пришла антихристовая мода, Восток и так принадлежит дьяволу).

Эсхатологические представления, сформировавшиеся на рубеже XVII–XVIII вв., продолжают жить в современной русской прихрамовой среде.

Литература:

1. Дружинин В.Г. Писания русских старообрядцев. СПб., 1912. С. 337. № 258.
2. ЗНАМЕНА АПОСТАСИИ: Новая мода – и ее последствия. [Эл. ресурс]. –

Режим доступа. – <http://3rm.info/5743-znameniya-apostasii-novaya-moda-i-ee-posledstviya.html>

3. Панченко А.М. Русская культура в канун петровских реформ // Академик А.М. Панченко. К 70-летию со дня рождения. [Эл. ресурс]. – Режим доступа. – <http://panchenko.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?PageContentID=166&tabid=2348>

4. Соболева Л.С. Американское сочинение об Антихристе-компьютере в интерпретации уральского старовера // Исследования по истории книжной и традиционной народной культуры Севера. Сыктывкар, 1997. С. 118-130.

5. Тарабуки на А.В. Фольклор и культура прицерковного круга [Эл. ресурс]. –

Режим доступа. –

http://www.ruthenia.ru/folktee/CYBERSTOL/books/Tarabukina/arina_tarabukina.html

6. Успенский М.И. Старообрядческое сочинение XVIII века об одежде // Известия отделения русского языка и словесности Имп. Академии наук. СПб., 1905. Т. X. Кн. 2. С. 18-30.

7. Юхименко Е.М. Андреев Тимофей (Серебрянников) // Православная энциклопедия [Эл. ресурс]. – Режим доступа. – <http://www.pravenc.ru/text/115184.html>

8. Юхименко Е.М. Выговская старообрядческая пустынь. Духовная жизнь и литература. М., 2002. Т. 2. С. 13-14.

Первый день семинара:
круглый стол в Институте
мировой культуры
Хельсинского университета

Второй день
семинара:
в помещении РЦНК
в Хельсинки

Пианист
Марина Костик
рассказывает
о музыке
М. Мусоргского

Тимо Вихавайнен

Профессор российской истории,
Хельсинкский университет

Россия и Европа в мире ценностей

На старую загадку «Где находится Россия?» можно сейчас получить ответ, даже точный, хотя бы формально.

The World Values Survey Cultural Map of the World

(http://www.worldvaluesurvey.org/wvs/articles/folder_published/article_base_54) покажет точные координаты России среди других наций.

Место России в мире ценностей установлено по результатам всемирных опросов касательно **ценностной ориентации народа**.

Исследователи проекта Ronald Inglehart и Chris Welzel утверждают, что в «постиндустриальных» обществах «ценности выживания» все более теряют свою значимость (будучи очевидными). Главными будут тогда «постматериалистические» ценности. Они доказывают, что это – общая закономерность. Пока.

Поданным этой теории и этого проекта, самые передовые в мире – скандинавские страны, особенно Швеция.

Что такое постматериалистические ценности? Инглехарт и Велцел отвечают так: они поставляют высокое качество экологии, терпимость, участие в управлении экономической и политической жизнью. Отношение к иностранцам, сексуальным меньшинствам, правам женщин будет положительным, воспитание детей будет либеральным, таким обществам также свойственно высокое доверие к людям.

Если мы посмотрим на культурную карту мира проекта WVS, в котором ценности

секулярности и рационализма на оси «у» (традиционность – внизу, рационализм – вверх), измерение ценностей самовыражения (направо), выживания (налево) на оси «х», то мы можем констатировать, что вместе с другими православными странами Россия находится «наверху» сточки зрения секулярности (высокая «развитость») и «налево» с точки зрения самовыражения (невысокая «развитость»).

Иначе говоря: для России свойственна смесь «развитости» и «неразвитости» в области ценностей. Россия находится в Европе, но в восточной Европе, «налево» от католической Европы, которая, в свою очередь, находится налево от протестантской Европы.

Небезынтересно вспомнить, как видели место России в Европе славянофилы 19 века: они считали, что граница России и Европы – восточная граница Польши.

В теориях славянофилов подчеркивается религиозный фактор (православие и его отличие от католицизма). В этом они согласны с проектом WVS. Более того, славянофилы видели особые свойства у русского народа и в русских традициях. Это – соборность, коллективный образ жизни, внутренняя свобода, значимость принципа добровольности, альтруизма, отсутствие произвола и принуждения и т.д.

В нынешней России в проекте С. Сулакшина «*Высшие ценности Российского государства*» делается попытка найти названные ценности путем многостороннего научного анализа.

Анализ и результаты Сулакшина можно найти на сайте <http://rusrand.ru/analytcs/vyshhie-tsennosti-rossijskogo-gosudarstva>.

Таковыми ценностями являются: религия, вера, коллективизм, душа, совесть, добро, нестяжательство, труд, разум, патриотизм, семья. Вдобавок все это в типично русской форме, «по-русски».

С другой стороны, если постараться найти какой-то перечень европейских ценностей, то мы можем найти такое в некоторых официальных документах ЕС, в частности в договоре о Евросоюзе. Статья 2 «*Ценности Союза*» звучит так:

Ценностями, на которых основан Союз, являются уважение человеческого достоинства, свободы, демократии, равенства, верховенства закона и уважения прав человека, включая права лиц, принадлежащих к меньшинствам. Эти ценности являются общими для совокупности государств-членов, которая характеризуется плюрализмом, недискриминацией, терпимостью, справедливостью, солидарностью и равенством между женщинами и мужчинами.

Профессор Майкл Эмерсон счел возможным сформулировать «12 заповедей» Европы: Демократия и права человека; Четыре свободы – общий рынок, свободное передвижение, обитание и занятость граждан; Социально-партнёрство; Многонациональность, отрицание национализма; Светский мультикультурализм; Антигитлеризм и антимилитаризм, но без пацифизма; Многовекторность внешней и внутренней политики; Трёхъярусное управление – наднациональный, национальный и региональный уровни; Открытость для всех европейских демократий; Постоянные изменения, эволюция границ Евросоюза.

Если мы ищем официальное отношение Российского государства к этим нормативным ценностям, нам легко найти авторитетное выступление В.В. Путина в Валдайском клубе 19.9.2013. Путин сказал, между прочим: «Мы видим, как многие евроатлантические страны фактически пошли по пути **отказа от своих корней**, в том числе и **от христианских ценностей**, составляющих основу западной цивилизации. Отрицаются нравственные начала и **любая традиционная идентичность: национальная, культурная, религиозная или даже половая**. Проводится политика, ставящая на один уровень многодетную семью и однополое партнёрство, веру в бога или веру в сатану».

Путину также не понравилась идея мультикультурализма: «В европейских, да и в ряде других стран так называемый мультикультурализм – во многом привнесённая, и **искусственно сверху внедряемая мо-**

дель – ставится сейчас под сомнение, и понятно почему. Потому что в основе лежит своего рода плата за колониальное прошлое». С другой стороны, Путин утверждал, что у России есть своя собственная, особая разновидность мультикультурализма: «Россия, как образно говорил философ Константин Леонтьев, всегда развивалась как «цветущая сложность», как **государство-цивилизация**, скреплённая русским народом, русским языком, русской культурой, Русской православной церковью и другими традиционными религиями России. Именно из модели **государства-цивилизации** вытекают особенности нашего государственного устройства».

Стало быть, между Россией и Европой существует пропасть в области ценностей. Речь идет не только об относительном месте на карте национальных особенностей, но и о более глубоком различии.

Но неужели Россия настолько отличается от остальной Европы? Ответ можно найти и в European Value Project (EVP). Как и WVS, этот проект также создал свою культурную карту: Atlas of European Values Project, где показано месторазных стран в зависимости от того, насколько важны для них те или иные ценности. Если верить этой карте, то по многим параметрам граница ценностей не идет по линии восточной границы России (вопросы о критериях национальной идентичности, мнение о количестве иммигрантов, расширении ЕС, браке как необходимом условии для счастья и т.д.).

Таким образом, можно сказать, что национальные особенности в области ценностей – это бесспорный факт. С другой стороны – выводы могут быть разные. Исходя из одних и тех же предпосылок, можно сделать противоположные выводы, как мы знаем уже на примере западников и славянофилов 19 века.

Но, если не касаться политики, можно понять возникновение различий между Россией и Европой как результат исторических особенностей. Такими являются:

- Асинхронность русской и западноевропейской истории. Западная Европа не пережила периода социализма. С другой сторо-

ны, Россия не пережила периода «культурной революции» 1960-х гг. Если еще учесть, что развитие русской философской и общественной мысли прекратилось в 1917–1992, то понятно, что Россия сейчас занимается такими философскими и культурологическими проблемами, которые Запад уже забыл – плохо ли, хорошо ли, но забыл.

- Не следует также забывать знаменитой «многоукладности» России, которой Ленин в свое время постарался оправдать то, что его политика не дала желаемых результатов. Невсе регионы России живут в одном и том же веке.

- Очень важный фактор – историческое наследие. Россия рассматривает вопросы современной культуры и быта не с той же позиции, как в свое время Западная Европа, и, тем более, не с точки зрения современной Европы. У нее есть свой уникальный опыт и своеобразный подход, у нее перед глазами как опыт Западной Европы, так и память о собственном периоде «официального» радикализма (социализма).

Чтобы не перепутать понятия «Европа» и «Запад», надо еще подчеркнуть, что европейские ценности во многом отличаются от, например, американских. Более того, европейские страны сильно различаются между собой в ценностных ориентирах (религиозных и т.д.). Можно даже считать, что эти различия – более серьезные, чем различия между Россией и «Европой» (Западной Европой).

Но если задать вопрос, насколько особыми являются те ценности, которые в России, особенно сейчас, провозглашаются как свои, то можно обнаружить интересный факт.

В корнях европейского наследия лежат христианская религия, классическая греческая философия и классическое искусство. Хотя роль религии резко снизилась, особенно за последние 50 лет, но в Америке они все еще очень значимы. Однако в сегодняшней Европе эти ценности все более теряют свою значимость. Процесс шел очень стремительно. От религиозности шли к атеизму, от патриотизма к мультикультурализму.

В России же развитие в последнее время идет от атеизма и секуляризации в направлении повышения роли религии (по крайней мере идентификация себя как «православной»).

Мультикультурализм, нестандартные формы семейных и сексуальных отношений в Западной Европе – уже норма. В России они пока девиация (но так же было и в Европе и в Америке еще лет 20-30 назад). Дело, скорее всего, не в коренных различиях, а в асинхронности.

На нормативном плане мы, конечно, можем предлагать что угодно. Вызов Путина ценностям ЕС, речь о «европейском мессианизме» – с одной стороны и нападки европейских стран по поводу недостаточной терпимости – с другой, – это не коренные различия, а политика.

Сейчас стали говорить о Евразийском союзе как о плоте альтернативных ценностей для всего мира. Идея небезынтересна. Стало быть, будет основан какой-то новый Коминтерн традиционализма. В этом случае мы увидели бы мессианизм нового типа, мессианизм, который на самом деле основан на традиционных европейских ценностях в противовес Европе, которая уже отказалась от своего коренного наследия.

Как доказывают опросы, большинство россиян поддерживают Путина. Остается вопрос, сколько из них поддерживают его именно за линию в плане культуры. На это нетрудно получить ответ, но намного более важным является вопрос, в каком направлении сейчас идет развитие в мире ценностей.

Неужели развитие общества везде закономерно ведет к новым, «постматериалистическим» ценностям? Или, может быть, Россия действительно станет ведущей силой в возврате к традиционным европейским ценностям?

Ответ знает только будущее.

Ирина Горная

Профессор кафедры теории музыки и композиции, Петрозаводская Государственная консерватория им. А.К. Глазунова

Русская литература в произведениях композиторов Финляндии

Русско-финские литературные контакты восходят к середине XIX века. История знакомства финских музыкантов с русской литературой тесно связана с непростой судьбой финского языка в его борьбе за право стать литературным. В 1830–40-е годы русская поэзия и проза переводились в Финляндии лишь на шведский язык. Более широкое освоение русской литературы началось в Суоми в середине XIX века и связано с тем фактом, что в учебных заведениях Финляндии, включая университет, было введено преподавание русского языка, литературы и истории. В студенческих тетрадях Элиаса Лённрота сохранились два стихотворения Александра Пушкина – «Черная шаль» и «Утопленник», переписанные создателем «Калевалы» именно на русском языке.

В 1863 году финский язык официально уравнивали в правах со шведским. Начиная с 1870-х годов, сочинения русских поэтов и писателей стали переводить на финский язык, который к тому времени обрел литературную зрелость. Этому способствовало и введение стипендий для тех, кто после Хельсинкского университета желал учиться в Московском и Петербургском университетах. Среди таких стипендиатов были писатели – Арвид Ярнефельт (1861–1932) и Илмари Кианто (1874–1970).

Обучаясь в Московском университете в 1886–1888 годах, Ярнефельт печатал в фин-

ских газетах свои «Письма из России», в которых делился впечатлениями о культурных событиях в жизни первопрестольной. Ярнефельт проникся идеями Льва Толстого, в течение многих лет переписывался с ними переводил его произведения на финский язык. Кианто переводил стихи Пушкина и Лермонтова, прозу Льва Толстого и Ивана Гончарова.

Творческие поиски многих композиторов Финляндии (Эрки Мелартин, Селим Палмгрен, Тойво Куула, Леви Мадетойа, Оскар Мериканто) самым тесным образом были связаны с достижениями русских музыкантов. Профессионально ориентированная финская музыкальная молодежь часто направлялась для совершенствования в Петербург. Очень плодотворными для финских композиторов были их контакты с признанным мэтром петербургской школы Александром Глазуновым. Его почитателями были Роберт Каянус, Ян Сибелиус, Тойво Куула, Эрнст Пенгу.

На начальном этапе финские композиторы использовали русскую поэзию исключительно в переводах на финский и шведский языки. Таковы «Казачья колыбельная песня» Оскара Мериканто на слова Лермонтова, двароманса Эрнста Пенгу – «Мысль» на слова Тютчева и «Тишина» на слова Николая Гумилева, два произведения Вяйне Райтио – «К ранней осени» на слова Тютчева и «Колыбельная песня» на слова Лермонтова.

Оскар Мериканто относится к той плеяде финских композиторов, которые заявили о себе на рубеже XIX и XX веков. Глубокая внутренняя культура, широкая образованность сказались на выборе им поэтических источников. Среди них мы находим «Казачью колыбельную песню» (ор. 91 № 4, 1916?) на слова М. Лермонтова. Не исключено, что создание этого сочинения как-то связано с гастролями композитора в Москве (1914 г.) и в Петербурге (1916 г.).

В своей песне Мериканто использует не оригинальный русский текст, а финский перевод, сделанный Вальтером Юва. Известно пристрастие финских композиторов к жанру колыбельной. Сравнение перевода с

оригиналом показывает, что в песне Мериканто выпущены вторая и третья строфы стихотворения Лермонтова. Их воинственный дух, образ врага, само упоминание боевого оружия – кинжала и ружья, вероятно, смуглили композитора. Он более всего тяготел к элегическим настроениям. Минорные тональности в рамках мажорной колыбельной – это знак материнской печали, той тревоги за судьбу ребенка, которой пронизано стихотворение Лермонтова.

В истории финской музыки есть композитор, чья творческая жизнь тесно переплелась с русской культурой. Это Эрнст Пенгу. Начало его композиторской и музыкально-критической деятельности связано с Петербургом, где он родился и прожил тридцать лет, а последующие двадцать пять – творческой зрелости протекали в Финляндии. Оказавшись вне русскоязычной среды, Пенгу продолжал обращаться к русской поэзии, но в переводе на шведский язык. Диапазон его поэтических интересов весь ма велик – от Федора Тютчева до Николая Гумилева. Романс «Мысль» на слова Тютчева (подлинный заголовок «Волна и дум») сохранил масштаб стихотворения. Шведский текст оказался максимально близок к оригиналу. «Дума за думой, волна за волной – два проявления стихии одной...» Уподобление морской волны человеку, его душе – одно из наиболее стойких в поэзии Тютчева.

Неотвязность тревожных мыслей, о которых идет речь в стихе, выражена в мелодии романса, а именно в коротких кругообразных мотивах, возвращающихся к одному тону. Образ вечного движения морской волны дан в характерной формуле покачивания, которая главенствует в партии фортепиано. Кругообразная природа подчеркнута звуковым составом начального аккорда, тоны которого выстраиваются по квинтам. Сочетание тишейшей динамики и низкого басового регистра создает эффект неясного гула.

Тоска лирического героя «сродни бескрайнему морю». Покой природы («море не пенится, волны не шумят, на деревьях листья не шевелятся») противоречит эмо-

циональному настрою героя, что выразилось в политональных сочетаниях аккордов. Таким образом, Эрнст Пенгу очень чутко к смыслу стихотворного ряда.

Композитор Вяйнэ Райтио (1891–1945) в начале 1920-х годов вместе с Ааре Мериканто, Эрнстом Пенгу, стал одной из ведущих фигур модернистского направления. Осенью 1916 года он поехал учиться в Петербург. Здесь молодой музыкант очень увлекся музыкой Римского-Корсакова, Глазунова, Скрябина. Определенную скромную дань он отдал и русской поэзии. Как ор. 11 № 7 композитор обозначил свою попытку создать романс «Кранней осени» на слова Тютчева. Сочинение осталось незаконченным. Другая вокальная миниатюра – это «Колыбельная песня» на слова Лермонтова. Композитор избрал небольшой фрагмент стихотворения.

В последней трети XX века появляются сочинения на русском языке. В 1983 году Тимо-Юхани Кюллёнен создал песню «Цыган» («Над лесистыми берегами в час вечерней тишины») на слова Пушкина. «Цыганская тема» для финских композиторов не является совсем уж экзотической.

Зарождение «цыганской темы» в финской музыке определенно связано с интересом к национальному колориту, характеристичности и живописности образов. Знаменательно, что еще в 1870 году появилась трехактная опера «Земфира» (по поэме Пушкина «Цыганы») Франса Августа Тавастшерны.

Цыгане Пушкина – свободный, вольный народ. Ю.М. Лотман писал, что «...цыганская тема в русской поэзии рассматривалась как... свобода чувствовать, петь, творить... это антитеза протестивостественной „неволи душных городов“...» (2, 603). С этим связано и другое представление: цыгане ведут жизнь, погруженную в искусство. Музыка становится для них бытом, искусство – каждодневным занятием, источником существования.

Музыкальное прочтение стиха Пушкина в песне Кюллёнена лишено каких-то примет того, что в нашем сознании связано с музыкой цыган. Стихотворение Пушкина

пронизано образами свободы, вольности, простора. Композитор откликается на это специфическими приемами. Ощущение широты пространства создается и использованием крайних регистров фортепиано, размашистыми ходами в вокальной мелодии. Композитор маркирует вербальные повторы. Дважды в стихе появляется слово «тишина», сначала как «вечерняя», затем как «домашняя». Итак, композитор выразил не только общий смысл стиха, но и тонко очертил отдельные элементы лексического ряда.

Одновременно с классикой отечественной литературы в финскую музыку проникает современная русская поэзия. Такой опус принадлежит перу маститого композитора Илкки Куусисто, создавшего большое число камерно-вокальных произведений. Мастера привлекли три лирических стихотворения Светланы Халттунен (урожденной Расхожевой), личности, несомненно, одаренной, ведь поэтесса выступает в Финляндии как профессиональная певица. Три стихотворения «Тоска», «Осенняя мелодия» и «Посвящение» составили цикл. Они соединены не только эмоциональным тоном, но поэтическими лейтмотивами. К такому относится образ птицы. Несомненно, начальная строка первой песни «как мне хочется в небо тихой птицей подняться» перебивается с заключительными строками третьей песни «ты птица моей перебитые крылья, ты жажда взлететь в их напрасном порыве». Тоска лирической героини созвучна такому времени года, как осень: «Безмолвно зябнут голые деревья, тоскливы их протянутые ветви, так вопреки мольбам и уверениям, людские радости уносит вечность». Финская музыка насчитывает бесчисленное количество «осенних песен». Очевиден тот факт, что из всех календарных сезонов именно осень более всего становится темой финских вокальных циклов. Стихотворение Светланы Халттунен исполнено созвучно.

Жанровый комплекс «осенних» песен включает в себя сложившиеся в веках музыкально-языковые обобщения трагических переживаний: минорный лад, хоральная

фактура, медленный темп, глухо рокочущие тремоло басов. Здесь присутствуют и такие традиционные «эмблемы печали», как жалобные секундовые вздохи, квинтовый органнй пункт, воссоздающий звучание погребального колокола, фригийский лад.

К концу XX века расширился круг музыкальных жанров, основой которых являются русская поэзия, проза и драматургия. Особенно активно композиторы пишут оперы: «Черный монах» Пера Хенрика Нурдгрена, «Шинель» и «Свадьба» (по произведениям Антона Чехова) Тауно Марттинена, «Каренин», «Ревизор», «Сказка о мертвой царевне и семи богатырях» Кая Кюдениуса. Масштабы сочинений разные. Так, Кюдениус сначала создал мини-оперу «Каренин» для баритона, сопрано и фортепиано, а в 1999 году написал уже пятиактную оперу «Ревизор».

Нередко композиторы сами создают либретто, при этом бережно сохраняя смысловые линии первоисточника. Интересным примером такого рода является «Черный монах» Нурдгрена, созданный по заказу Шведской Королевской Академии музыки. Это произведение было написано для семи певцов: Андрей Коврин – баритон, Тая Песоцкая – сопрано, Егор Песоцкий – тенор, Черный монах – бас, няня – альт, две горничные – меццо-сопрано. Опера «Черный монах» – это пример очень тонкого отношения к тексту Чехова. Композитор стремился сохранить речевое своеобразие чеховских героев. Помимо пения опера содержит большие фрагменты разговорного текста. Композитор сохраняет определенные слова и фразы, свойственные персонажам. Так, например, Егору Песоцкому нравится употреблять латинские фразы и изречения: «Et audiatur altera pars» – или: Пусть выслушают и другую сторону; ‘Sapientī sat’ или: «умному достаточно». Наконец, вербальный ряд оперы содержит русские имена в их уменьшительной форме: Андрюша, Тая, Степка. В рассказе Чехова важное место занимают музыкальные мотивы. Молодой ученый Андрей Коврин объясняется в любви Татьяне Песоцкой с

помощью арии Гремина «Онегин, я скрывать не стану, безумно я люблю Татьяну» из оперы Чайковского. На этой фразе Нурдгрэн остроумно вплетает мелодию Чайковского в свой текст.

Разумеется, финские композиторы ищут и новые акценты в интерпретации великих произведений русской литературы. Примечательно, что Кюдениус назвал свою оперу «Каренин». Повествование сосредоточено на драме Каренина, его страданиях.

Можно сказать, что именно сейчас осу-

ществляется пожелание Фабиана Коллана, редактора газеты «Гельсингфорс Морганблад», высказанное им еще в 1846 году: «Для нас финнов теперь особенно важна русская культура, и нам следует знакомиться с ней, ибо только зная язык русского народа, его литературу и всю его духовную жизнь, мы сможем по-настоящему понять наших восточных соседей, столь близких теперь к нам, и добиться того, чтобы и они понимали нас... Кроме того, культура в целом, в ее высших проявлениях, есть общее достояние всех наций, как ей и надлежит быть» (цит. по: 1, 57).

Литература:

1. Карху Э.Г. Финско-русские литературные связи XIX–XX веков // Многоликая Финляндия: Образ Финляндии и финнов в России. – Великий Новгород, 2004. – С. 43–88.

2. Лотман Ю.М., Миңц З.Г. «Человек природы» в русской литературе XIX века и «цыганская тема» у Блока // Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии. – СПб., 2001. – С. 599–652.

Геннадий Коваленко

Ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН

Россия в шведских и финских травелогах XVII-XIX вв.

Пожалуй, ни одна европейская страна не была столько раз и так подробно, как Россия, описана западноевропейскими купцами, дипломатами, путешественниками, врачами, профессиональными военными и просто авантюристами. Различны были причины их интереса к России: она представлялась им то далёкой и загадочной страной, своего рода европейской Индией, то серьёзным политическим или военным соперником, то выгодным торговым партнёром, то объектом научного интереса.

Важное место в европейской «Россике» занимают скандинавские травелоги. Ниже представлены те из них, которые были изданы в последние годы или готовятся к изданию на русском языке.

***

ЭРИК ПАЛЬМКВИСТ.¹ Инженер-капитан Эрик Пальмквист выполнял функции военного атташе при шведском посольстве Густава Оксеншерны 1673-1674 гг. За восемь месяцев пребывания в России он собрал уникальную информацию о ней и по возвращении представил шведскому правительству рукопись *in folio*, содержащую около 50 рисунков различного формата, 17 географических карт и планов городов, а также пояснительные тексты в виде отдельных заметок, иногда довольно длинных, приложенных к рисункам и географическим чертежам. Труд Пальм-

квиста является, самым визуальным источником по истории допетровской Руси. Не случайно, его часто называют «Альбомом Пальмквиста».

Изобразительный материал Пальмквиста отличается большим разнообразием, он представляет встречу посольств на границе, его прием Алексеем Михайловичем в Грановитой палате, подъем колокола, солеварню на реке Мшаге, зимний выезд русской боярыни, виды наказаний, одежду и знаменамосковских стрельцов. На планах городов и монастырей представлены Новгород, Псков, Торжок, Тверь, Москва. Печорский и Иверский монастыри, Терская крепость. Даны также карты Сибири и Белого моря, Каспийского моря, нижнего течения Волги, а также чертеж пограничной местности в окрестностях Печерского монастыря и Нейгаузена, где между Россией и Швецией существовал территориальный спор.

Более 200 лет был практически неизвестен исследователям. Первое известие о Пальмквисте России относится, по всей вероятности, к 1840 г., когда Николаю I было доставлено несколько рисунков из рукописи Пальмквиста. Всплеск интереса к его сочинению в кругах русской научной общности начался после статьи Т. Вестрина (1881). Русское Археологическое общество постановило создать специальную комиссию для решения вопроса об издании рисунков из сочинения Пальмквиста, а Архив Министерства иностранных дел заявил о намерении осуществить его перевод.

В 1898 г. «Заметки о России» были изданы шведским Генеральным штабом тиражом в 75 экземпляров, два из которых были переданы Оскаром II Николаю II. Со второй половины XIX в. иллюстрации и планы городов из сочинения Пальмквиста стали часто воспроизводиться в различных изданиях по русской истории, некоторые из них стали почти хрестоматийными.

Текст сочинения Пальмквиста гораздо меньше известен исследователям. Это связано, прежде всего, с тем, что «Заметки о России» были написаны скорописью XVII в. В 1899 г. по заказу Архива Министерства

иностранных дел перевод «Заметок о России» был выполнен Эдуардом Гранстрёмом. В это же время переводом сочинения Пальмквиста, занимался служивший в Финляндии подполковник Александр Петрович Вакуловский, жена которого была уроженкой Швеции. Перевод был закончен в 1900 г., а в 1901 г. Вакуловский сделал обстоятельный доклад о сочинении Пальмквиста в Гельсингфорском офицерском собрании.

«Заметки о России» Э. Пальмквиста – жемчужина шведской «Россики», «венец Московитики», красивейший дипломатическим рапортом эпохи шведского великодержавия. Известный шведский славист Андерс Шёберг назвал Государственный архив Швеции «золотой жилой» для тех, кто занимается изучением русской истории и культуры. В таком случае «Заметки о России» Эрика Пальмквиста являются ее самой большой крупницей золота.

СВЕН БЭЛЬТЕР. К числу до сих пор неопубликованных в Швеции шведских травелогов относится дневник члена шведского посольства в Россию 1744 - 1745 гг. под руководством барона Хермана Сёдеркрейца священника Свена Бэльтера. Его дневник хранится в городской библиотеке города Векшё, где он был настоятелем кафедрального собора.

Дневник написан на шведском языке, при этом в нем встречаются записи на немецком, французском, латинском и итальянском языках. В нем описаны события, начиная с отъезда Шведского посольства из Стокгольма, произошедшего 19 июня 1744 г. до его возвращения в Швецию в сентябре 1745 г.: морской путь из Швеции в Россию, пребывание в Петербурге, его встречи с астрономом и картографом Ж. де Лилем, ботаниками Р. Г. Сигесбеком и Ю. Г. Гмелиным, дорога в Москву через Новгород, четырехмесячное пребывание в Москве.

АДЕЛАИДА ХАУСВОЛЬФ. Аделаида Хаусвольф – дочь шведского офицера Ханса Густава фон Хаусвольфа, взят его в

плен при сдаче Свеаборга в мае 1808 г. Он отказался перейти на русскую службу, и был выслан на временное место жительства в Новгород, где он пробыл до окончания военных действий. Аделаиде было разрешено сопровождать его. День за днем на протяжении восьми месяцев она записывала свои впечатления о пребывании в России, в том числе в Новгороде, где они с отцом прожили четыре с половиной месяца.

В своем дневнике она описала поездку из Хельсинки в Петербург, краткое временное пребывание в Петербурге, переезд из Петербурга в Новгород, повседневную жизнь в Новгороде, а также обратный путь из Новгорода в Хельсинки через Петербург и Выборг.

Можно предположить, что русский плен был одной из самых ярких страниц в ее жизни. Не случайно в конце ее дневника есть такие строки: «Так закончилось мое девятимесячное путешествие в плен, полное приключений и удивительное».

Дневник Аделаиды Хаусвольф хранится в Королевской библиотеке в Стокгольме. Его рукописные копии есть в Военном архиве Швеции и в Государственном архиве Финляндии. Впервые дневник был издан на шведском языке в сокращенном виде в 1912 году, полное издание вышло в 2007 году.

ЭРИК ГУСТАВ ЭРСТРЁМ.² Эрик Густав Эрстрём приехал из Або в Москву весной 1812 г. для учёбы в университете. 1 сентября он был эвакуирован вместе с университетом в Нижний Новгород. В Москве он начал вести дневник, в котором подробно и заинтересованно с юмором описывал свой быт, учебу, досуг, прогулки по Москве, быт и нравы москвичей. Он продолжает вести дневниковые записи и по дороге в Нижний Новгород.

Его дневник – это пестрый kaleidoscope событий, встреч, разговоров, бытовых сцен, городских и сельских пейзажей. На общем фоне русской и иностранной мемуаристики 1812 г., описывающей, как правило, военные будни, походы и

сражения, его дневник занимает особое место. В нем представлена «невоенная» история войны – повседневная жизнь русской провинции, незагнущей войной.

Дневники Эрика Густава, которые он назвал «Для меня и моих друзей», хранятся в городском архиве Хельсинки. В 1985 г. его потомок Кристман Эрстрём издал его русский дневник 1812-1813 гг. под названием «Москва горит».

ЮХО КУСТИ ПААСИКИВИ.³ В 1891 г. 20-летний студент Хельсинкского университета Юхо Паасикиви, совершил учебную поездку в Новгород, где прожил несколько месяцев. Отсюда он посылал репортажи в газету «Uusi Suometar». Его Новгородские письма раскрывают малоизвестные страницы жизни будущего президента и в то же время представляют интересный материал об особенностях жизни различных слоев общества российской глубинки. Благодаря знаниям о России, полученным во время учебы в университете, владению русским языком, Паасикиви мог свободно общаться с местными жителями и понимал явления русской жизни значительно глубже, чем другие иностранные путешественники, проезжавшие через Новгород. Поэтому его

письма представляют новый уровень восприятия Новгорода иностранными наблюдателями.

Это было обусловлено тем, что, во-первых, он знал русский язык, а во-вторых, сравнительно долго жил в Новгороде, общался с его жителями. Паасикиви видел Новгород не из экипажа или окна гостиницы, и его знакомство с ним не ограничивалось прогулкой по городу. В своих репортажах из Новгорода он обнаружил способность детального изображения жизни русского провинциального города.

***

Сегодня европейские тревелог и являются важным источником по истории и российской повседневности. Они интересны также тем, что посторонний наблюдатель часто замечал явления быденной жизни, над которыми русский человек обычно не задумывается, давал им оценку с нетрадиционной точки зрения. В них содержится огромный объем информации, они позволяют увидеть страну глазами очевидцев с разных сторон. Не будь их, мы вынуждены были бы изучать домашний и общественный быт допетровской Руси по «Домострою» и сочинению Григория Кото-

шихина, ибо законодательные акты и делопроизводственная документация характеризует преимущественно хозяйственный и юридический быт. Культурно-бытовой уклад может быть воспроизведен, главным образом, по запискам современников, авторами которых до XIX в. были, преимущественно, иностранцы.

Европейцы смотрели на Россию через призму своих ценностей. Их наблюдения, отражение и понимание русской действительности неоднозначны. Во многом они зависели от личной позиции, которая определялась социальной, политической или религиозной принадлежностью автора. Некоторые оценки, выводы, параллели и характеристики были обусловлены непониманием и незнанием языка, обычаев, нравов. Они зависели от многих факторов, прежде всего условий восприятия: знание/незнание языка, состояние межгосударственных отношений, образование и воспитание, цель поездки, прочитанное и услышанное ранее, настроение, погода, время года, бытовые обстоятельства.

Однако все это не может быть причиной того, чтобы сводить рассмотрение сочинений иностранных наблюдателей только к информативной отдаче, оценкам справедливости или несправедливости их общих суждений и подозревать их в неискренности и злонамеренности. Сегодня эти сочинения имеют большое общекультурное значение, они наглядно показывают, как складывался образ России на Западе.

Литература:

¹ Заметки о России, сделанные Эриком Пальмквистом в 1674 году. Издательство «Ломоносов».

Москва, 2012. 344 стр.

² Эрик Густав Эрстрём. 1812 год. Путешествие из Москвы в Нижний Новгород. Издательство

Нижегородского университета. Нижний Новгород, 2013. 293 стр.

³ Паасикиви Ю.К. Новгородские письма. – Paasikivi J.K. Kirjeitä Novgorodista. Великий Новгород, 2010. 107 стр.

Якуб Лапатка

Переводчик, Хельсинки

От времен потопных

Речь идет о книге с таким же названием. В ней содержатся три старинные финляндские хроники: «Рифмованная финляндская хроника», «Хронология Финляндии, Ливонии и Курляндии», написанные Иоханнесом Мессениусом и «Финляндская хроника» неизвестного автора. Перевод с старосведского, латинского и финского языков выполнен мною. Комментарии справочные материалы тоже мои. Книга издана в Санкт-Петербурге издательством Гийоль в 2013 г.

***

Финляндия в древности и в средневековье «цивилизованным» миром считалась страной темной, загадочной и пустынной. Жути нагнал еще Тацит, мимоходом написавший о финнах в труде «Германия»: «У финнов – поразительная дикость, жалкое убожество; у них нет ни оборонительного оружия, ни лошадей, ни постоянного крова над головой; их пища – трава, одежда – шкуры, ложе – земля; все свои упования они возлагают на стрелы, на которые, из-за недостатка в железе, насаживают костяной наконечник. Та же охота доставляет пропитание как мужчинам, так и женщинам; ведь они повсюду сопровождают своих мужей и притязают на свою долю добычи. И у малых детей нет другого убежища от дикого зверя и непогоды, кроме кое-как сплетенного из ветвей и доставляющего им укрытие шалаша; сюда же возвращаются финны зрелого возраста, здесь же пристанище престарелых. Но они считают это более счастливым уделом, чем изнурять себя работою в поле и трудиться над постройкой домов и неустанно думать,

переходя от надежды к отчаянию, о своем и чужом имуществе: беспечные по отношению к людям, беспечные по отношению к богествам, они достигли самого трудного – не испытывать нужды даже в желаниях». Авторитет древних авторов был непоколебим, и эта оценка переходила из века в век, от автора к автору. Но следует сказать, что те, кто придерживался такого мнения, и близкие к ним были около Финляндии, а пользовались побасенками путешественников, купцов и просто пронырливых авантюристов. Люди же серьезные, вроде Олауса Магнуса или Иоханнеса Мессениуса, знавшие предмет описания не понаслышке писали совсем обратное. Так, Мессениус в предисловии и к своей работе «Хронология Финляндии, Ливонии и Курляндии» пишет: «Финляндия в изобилии производит всевозможные пригодные для торговли товары, которыми местные торговцы могли бы обмениваться с чужеземцами и получать большую выгоду. Кроме того, финны занимаются земледелием, получая богатые урожаи, леса полны дичи, моря, заливы, озера и реки изобилуют рыбой, обширная земля финнов так богата и обильна, что может превосходно прокормить как своих обитателей и соседей, так и многих чужеземцев – все это могло бы привлекать иностранных купцов, чтобы установить добрые торговые отношения».

Следовательно, такая страна не могла оставаться «бесхозной», несмотря на Тацита и его последователей. Находясь на северной окраине Европы, Финляндия не прозябала на обочине европейской истории, более того – она находилась на стратегическом ее перекрестке, где сталкивались интересы таких мощных государств как Швеция и Великий Новгород. Шведы совершили три крестовых похода на Финляндию в 1155, 1239 и 1293 годах. Естественно, онинесли язычникам «свет истинной веры Христовой». Но не только. Пустынные, редко населенные просторы Финляндии обживались шведскими переселенцами. И с каждым годом их становилось все

больше. Это были вольные шведские крестьяне – бонды, католические священнослужители, солдаты и военачальники. Постепенно на новообретенных землях образовалась группа населения, отличная от коренных обитателей Финляндии – шведофинны. Они укоренились в стране и, с уважением взирая на свою историческую родину Швецию, родной страной, все же, считали Финляндию. Как и шведы они во время Реформации приняли лютеранство, но их уже как в Швеции, так и в Европе считали выходцами из дикой темной страны, так красочно описанной Тацитом. Однако новые шведофинское дворянство не желало, чтобы их родину почитали за варварский край, совершенно лишенный своей истории, то есть славных деяний королей, военачальников и завоевателей, а их потомками дикарей.

Одним из первых, а практически первым финским историком был Иоханнес Мессениус, в русской традиции Иоанн Мессений (1579–1636). Шведский историк и писатель. Учился в иезуитской коллегии в Германии, но, вернувшись в Швецию, порвал с иезуитами, издал «*Detectio fraudis jesuiticae*» и получил профессию политики в университете Упсалы, тогдашнем шведском центре культуры, образования и богословия. С 1611 года Мессениус издал ряд исторических трудов («*Chronicon episcoporum per sueciam*», «*Specula*», «*Retorsio imposturatum*» и др.), не чуждых критике и основанных на первоисточниках. Его исторические драмы пользовались в свое время большой популярностью. В 1616 году Мессениуса обвинили в сообщничестве с иезуитами и Сигизмундом польским. Государственная измена – и он был приговорен к пожизненному лишению свободы и заключен в финской крепости Кайанеборге, затем в Улеборге, где после 20-летнего заключения получил свободу и вскоре умер. Но это обвинение было скорее материального, чем политического свойства: Мессениус утверждает, что «дорогие родственнички» возвели на него клевету, желая завладеть немалым

состоянием его жены. В этом, наверное, есть резон, т.к. алчность свойственна человеку от времен потопных.

Главный труд Мессениуса – это двадцатитомная историческая работа «*Scondia illustrata*», обобщающая историю Швеции до начала XVII столетия. Но вследствие больших разногласий с официальными историками того времени, его труд мог быть издан только в 1700–1705 гг. «*Scondia illustrata*» Мессениуса – своего рода подвиг, особенно если припомнить скудость исторических трудов XVI столетия и жесткие условия содержания государственного преступника в королевских крепостях. Десятый том «*Scondia illustrata*» полностью посвящен Финляндии, Ливонии и Курляндии. Она и входит в книгу «От времен потопных».

Мессениуса часто обвиняют в недовольности, в неточности и пр. Но его работы ценны тем, что опираются на источники, ныне безвозвратно утраченные. И вообще, не стоит снисходительно похлопывать по плечу минувшего столетия историков того времени. Они ведь и есть тот фундамент, на котором создается современная история.

Его «Рифмованная финляндская хроника», вероятно, последняя из жанра рифмованных исторических хроник. Но первая, посвященная строго истории Финляндии. Больше всего нареканий бывает на то, что Мессениус не упоминал те или иные важные события типа Куликовской битвы или битвы при Грюнвальде. Но какую важность они представляют для Швеции? Так ли уж в России заботятся о том, чтобы донести до своих граждан судьбоносность битвы на Католаунских полях и подвигов Карла Мартелла или Сиды Кампеадора?

Об анонимной «Финляндской хронике» можно сказать, что это вовсе никакая не хроника, а изложение легенд о якобы существовавших финских королях, чьи имена упоминаются в скандинавских сагах и «Кругеземном» Снорри Стурлусона. Однако здесь есть немало интересного. Легенды сами по себе уже представляют немалый интерес. А этимология названия Финляндия и Суоми? «На своем языке наш народ

называет себя „suomalaiset“, и название это совершенно отлично от тех, которые обычно употребляют чужеземцы. Название это происходит от слова „suomi“ – рыба чешуя, от которого слова в свою очередь нисходит слово „suomi“, что означает „местность, богатая рыбой“. Употребляемое же шведами и немцами название „finni“ происходит от слова „venno“, которое финны ранее употребляли для приветствия и в обращении друг к другу, совершенно так же, как ныне французы употребляют слово „месье“. Поскольку в немецком языке **v** произносится как **f**, то Корнелий Тацит в своем труде „Германия“ именует обитателей нашей земли не „веннами“, а „феннами“, равно как Плиний называет нашу страну „Веннингия“, а „Феннигия“. Шведы же в произношении своем превратили **e** в **i**, а потому называют нас финнами. Стремясь переделать на немецкий манер то, о чем говорилось ранее, а именно общеупотребляемое финнами слова „venno“, они дали это прозвище всему народу, произнося это слово, не как „венно“, а как „финно“.

Не буду говорить о трудностях перевода. Они касаются только меня и никого более. Но вот один аспект работы с текстами, я все же упомяну. Я имею в виду вечную войну с редакторами. Эти зловещие фигуры, их подход к правке текстов и прочие их мысли-задумки – для меня полная загадка. Например, на стр. 37 книги исправлено двустороннее: «Был тогда Магнус, епископ восьмой/ ученый и кроткий, недурен собой», исправлено: «Был тогда Магнус, епископ восьмой/ учёный и кроткий, недурён собой». Именно с точками на буквой «е». Нарушена рифма, нарушен ритм стиха. Почему? Вечная загадка.

Согласитесь, передавать старинные тексты разухабистым языком современных триллеров и детективов – это просто фальсифицировать документ. Здесь требуется некоторая архаизация текста. Но не язык Третьяковского его знаменитым «Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лайя». Он прелестен, этот старорусский язык, но не совсем годится для нашего времени. Я

считаю, что старинные слова должны вставляться в текст так, чтобы придать ему оттенок старины, как патина придает оттенок древности статуэткам. Все нужно в меру. Я считаю, что в своих текстах я эту меру не превысил. Но не тут-то было! Молодая редактор? Редакторша? Редакторка? Извините, получается что-то вроде народной прибаутки: «Молодая пешеход перешел без переход». И так, молодая женщина, редактируя мои тексты, сочла позволительным употребление словоформ вроде «заблужденье, крещенье, виденье», утверждая, что следует писать «заблуждение, крещение, видение». Я было робко напомнил: «Я помню чудное мгновение...». И тут меня поставили на место: «Так это же Пушкин!». Но слава Богу, обошлось. Мне разрешили оставить все как есть. Горжусь: к Пушкину приравнивали. А вот «половецкие пляски» настр. 207, примечания XIII и XVIII:

«... Ливы активно взаимодействовали с ПОЛОВЦАМИ и платили им дань». А в моем, авторском, тексте сказано, что ливы были данниками ПОЛОЦКОГО княжества. Я уверен, что эти самые ливы ни сном, ни духом не ведали о степняках пловцах из Дикого поля. Или снова же: «Борьба с Половецким княжеством продолжалась...». А я писал о ПОЛОЦКОМ княжестве. Это с позволения Полоцких князей немцы обосновались в устье Западной Двины – Даугавы. И никто и никогда не слышал о Половецком княжестве на берегах Западной Двины.

Но несмотря на эти мелкие досадности, обычные для каждого автора, книга прекрасно издана, в привлекательном оформлении, несомненно, будет представлять интерес как для профессиональных русских историков, так и для любителей. Я благодарен издателю за то, что мой «скорбный труд» не пропал.

В заключение я также хочу поблагодарить профессора Хельсинкского университета Тимо Вихавайнена, подвигнувшего меня на эту работу – перевод интереснейших документов финской истории.

Алексей Филимонов

*Французское Набоковское общество,
Международное представительство
СП Санкт-Петербурга*

Набоков – европейст

Герой романа Владимира Набокова «Дар», писатель Фёдор Годунов-Чердынцев, благодарит западный мир – и Германию – спасительное пространство эмиграции, в котором он до поры может мечтать и творить:

Благодарю тебя, отчизна,
за злую даль благодарю!
Тобою полн, тобой не признан,
я сам с собою говорю.
И в разговоре каждой ночи
сама душа не разберёт,
мое ль безумие бормочет,
твоя ли музыка растёт...

Набоков с рождения был укоренен в европейской культуре, его творчество – уникальный пример диалога сней русского человека. Сегодня читатель может участвовать в этом диалоге, помогающем выявить и понять два – а то и несколько – разноразличных существ автора. «Я американский писатель, рожденный в России, получивший образование в Англии, где я изучал французскую литературу перед тем, как на пятнадцать лет переселиться в Германию... Моя голова разговаривает по-английски, мое сердце – по-русски, и мое ухо – по-французски», – сказал Владимир Набоков. В первый период своей жизни в Европе (1919-1940), связанный с литературным становлением, Набоков берёт себе псевдоним Сирин, напоминая об издательстве, печатавшем символистов, а также о мифологической птице, шире – о первоначальной «птичьей» речи поэзии. Его поэтические двойники Фёдор Годунов-Чердынцев, Василий Шишков и другие не только

мистифицировали критиков, но вели спор, полемику с европейскими авторами, писателями-эмигрантами и советскими литераторами. Европа не представляла для Набокова единое социально-культурное пространство. В романе «Дар» повторяется «русское убеждение, что в малом количестве немец пошл, а в большом – пошл нестерпимо», тут герой Набокова, вслед персонажам Гоголя, «любил при случае кольнуть немцев». Неприятию Набоковым Германии, где он прожил с семьёй до 1937 года перед тем как укрыться от нацизма во Франции, а затем и в Америке, способствовали многие причины. В эссе «Николай Гоголь» он писал о немецком духе потребления: «Среди наций, с которыми у нас всегда были близкие связи, Германия казалась нам страной, где пошлость не только не осмеяна, но стала одним из ведущих качеств национального духа, привычек, традиций и общей атмосферы, хотя благожелательные русские интеллигенты более романтического склада охотно, чересчур охотно принимали на веру легенду о величии немецкой философии литературы; надо быть сверхрусским, чтобы почувствовать ужасную струю пошлости в „Фаусте“ Гете», – в этой фразе писателя тот водораздел, который отделяет его творчество от некоторых черт западноевропейской культуры. Даже став американским писателем, Набоков оставлял за собой право говорить от имени русского классического наследия и оставаться в этом смысле «сверхрусским».

Вслед за А. Пушкиным, И. Анненским, Н. Гумилёвым Набокова можно назвать франкофилом, им написан по-французски рассказ «Мадемуазель О», воспоминания о воспитательнице детства. Франция с детства выступала для него живой страной, его ранние стихи насыщены жаждой жить – «*joie de vivre*», он вспоминал слова Пушкина о французских корнях русского стихосложения: «Поэзия проснулась под небом полуденной Франции – рифма отозвалась в романском языке; сие новое украшение стиха, с первого взгляда столь мало значащее, имело важное влияние на сло-

весность новейших народов. Ухо обрадовалось удвоенным ударениям звуков; побеждённая трудность всегда приносит нам удовольствие – любить размеренность, ответственность свойственному человеческому. Трубадуры играли рифмою, изобретали для неё все возможные изменения стихов, придумывали самые затруднительные формы: явились *virelai*, баллада, рондо, сонет и проч.» (А. Пушкин. «О поэзии классической и романтической»). Летом 1923 года Набоков работал на ферме в Провансе сборщиком фруктов, отыскивая кастальские ключи пушкинского вдохновения, создав стихи о современном Провансе и о месте, помнящем рождение поэзии:

Как жадно, затаив дыханье,
склоня колена и плеча,
напысь я хладного сверканья
из придорожного ключа.

.....

И пенем дум моих влекома,
в лазури лиловатой дня,
в знакомом платье незнакома,
пройдёшь ты, не узнав меня.

Набоков много не принимал в европейской культуре, например, Фрейда и Сартра, французских экзистенциалистов, всех, сочувствующих идеям большевизма. Сартр написал рецензию на «Отчаяние», призывая Сирина поучиться коллективизму советских авторов, воспевающих великие свершения. Набоков не оставался в долгу, призывая раз и навсегда сбросить с пьедестала навязываемую литературу «Больших Идей». В конце пятидесятых годов, следуя веяниям оттепели, советские идеологи даже собирались включить имя Набокова в проект новых учебников, как несчастного автора, потерявшего родину и разоблачающего буржуазную действительность, однако грандиозный успех «Лолиты» до конца 80-х годов прошлого столетия сделал его непечатаемым в СССР.

Набоков называл себя нетипичным эмигрантом – он избегал литературной кружковщины, высмеивая круговую поруку литературных дельцов в рассказе «Уста к устам». В «Парижской поэме», возможно

лучшем своём поэтическом произведении, Набоков полемизировал с «Распадом атома» Георгия Иванова, писавшего о неприкаянном «ордене» русских интеллигентов: «Ох, это русское, колеблющееся, зыблющееся, музыкальное, онанирующее сознание. Вечно кружащее вокруг невозможного, как мошкара вокруг свечки. Законы жизни, сросшиеся с законами сна. Жуткая метафизическая свобода и физические преграды на каждом шагу. Неисчерпаемый источник превосходства, слабости, гениальных неудач. Ох, странные разновидности наши, слоняющиеся по сей день неприкаянными тенями и по свету: англomаны, толстовцы, снобы русские – самые гнусные снобы мира, – и разные русские мальчики, клейкие листочки, и заветный русский тип, рыцарь славного ордена интеллигенции, подлец с болезненно развитым чувством ответственности». В двух подходах к теме довоенной эмиграции различия между эстетикой Иванова и Набокова – первый подчёркивал гибельность и уродство мира, второй – жажду переживать снова и снова его красоту, возвращаясь к истокам.

«Сириин-европеист» – такое прозвище приклеилось к Набокову сразу после выхода первых его прозаических вещей. Тема «снобизма» Набокова в среде эмигрантов первого поколения, писавших о «русских мальчиках» из Достоевского, на которых Набоков никак не походил, только усилилась и набрала новые обороты после публикации «Лолиты».

Большинство сходилось на том, что Набоков – писатель нерусский, находя в нем несерьезность и цинизм, не свойственные отечественной литературе. «А вот что Выдумаете о «Лолите», если её читали? Я прочел недавно, и самое удивительное в ней... что при восклицаниях о любви на каждой странице в ней любовь „и не ночевала“. Это совершенно мертвая книга, хотя и блестящая (даже чувственности нет, ничего: все выдуманно). Кстати, английские отзывы в большинстве очень сдержанные» (Г. Адамович – В. Варшавском, 1959).

Переход на английский язык дался Набо-

кову крайне тяжело: «Личная моя трагедия – которая не может и не должна кого-либо касаться – это то, что мне пришлось отказаться от природной речи, от моего ничем не стеснённого, богатого, бесконечно послушного мне русского слога ради второстепенного сорта английского языка». По отзывом специалистов и писателей, Набоков внес выдающийся вклад в американский, английский язык, обогатив его тексты и показав неиспользовавшиеся до того возможности. Писатель-модернист демонстрировал уникальную творческую лабораторию, развивая идеи европоцентричного – за редким исключением – русского Серебряного века, в частности романа А. Белого «Петербург», всей русской поэзии, корни которой можно проследить и в «ямбической» ритмике прозы, и в многочисленных отголосках. Об «умышленности» сирийской прозы писал В. Ходасевич: «Сирий не только не маскирует, не прячет своих приемов, как чаще всего поступают все и в чем Достоевский, например, достиг поразительного совершенства, – но напротив: Сирий сам их выставляет наружу, как фокусник, который, поразив зрителя, тут же показывает лабораторию своих чудес. Тут, мне кажется, ключ ко всему Сирию».

Набоков продолжал идеи европейской карнавальской литературы, его произведения насыщены «арлекинами» – персонами, мыслями, образами и тенями, играющими провокационную, развоплотительную роль, выступая под различными масками – вспомним подобное «огненное домино» у А. Белого. Особая метафизика вещей европейского века материальных ценностей драматически насыщает произведения Набокова – никто из так невысвечивал, не детализировал предметный мир, ставший для многих иллюзией в эмиграции. Нечто копилось в самой материи, ей стало слишком тесно в конкурентной борьбе, из неё стала уходить душа на конвейерном способе производства, торопившем новые открытия на блага цивилизации... Вещи внезапно стали проявлять безумие, даже суицидальность – от тесноты сгустившейся материи и от невиданного доселе ускорения

приводящих к сжатию и взрыву революций. «Европейский экспресс» набоковского детства внезапно сошёл с рельсов в стихотворении «Крушение», и в образах ангелах угадываются демонические типажи Ленина и Троцкого:

...там, завывая на изгибе,
стремилось сонмище колёс,
и двое ангелов на гибель
громадный гнали паровоз.

И первый наблюдал за паром,
смеясь, переставлял рычаг,
сияя перистым пожаром,
в летучий вглядывался мрак.

Второй же, кочегар крылатый,
стальною чешуёй блистал,
и уголь чёрною лопатой
он в жар без устали метал.

Набоков с детских лет был наделён цветным слухом букв – «си нестезией», которая, возможно, помогала насыщать его оригинальные произведения и переводы звуками и красками, вопреки «подслеповатости», существовавшей в русской словесности. «Фасеточное зрение» литературного энтомолога сразу выхватывало чудовищные недостатки в переводах русских произведений на иностранные языки. Так, разбирая перевод стихотворения О. Мандельштама «Век-волкодав», Набоков негодовал: «Строка 8: на самом деле «of the Siberian prairie's hot fur-coat» («жаркой шубы сибирских степей»). Богатая тяжелая меховая шуба, с которой поэт сравнивает дикий восток России (воистину эмблема его изобильной фауны), низведена автором адаптации до «sheepskin» (дубленки), которая «shipped to the steppes» (послана в степи) с поэтом в рукаве. Мало того, что все это само по себе бредово, сия неслыханная импортация полностью разрушает образный строй произведения. Образный строй поэта – вещь святая и неприкосновенная». Набоков выступал категорически против «адаптации» художественного перевода к уровню вкуса невзыскательного читателя, ибо сам являл пример читателя гениального

– не в этом ли был залог его дара переключки с веками и культурами? В Америке Набоков перевёл лирику А. Пушкина, М. Лермонтова и Ф. Тютчева, стихи В. Ходасевича. О кропотливой работе Набокова-переводчика можно судить по оттачиванию им перевода «Последней любви» Ф. Тютчева, где рифмы *roaming – gloaming, expended – blended* (блуждает – сумерки, растрачено – смешаны) заменены в конечном варианте на *slanted – enchanted, tender – surrender* (*склонилось – очарованным, нежным – смирения*). У Тютчева в стихотворении: *сиянье – очарованье, нежность – безнадежность*. Огромный труд – перевод всего «Евгения Онегина» белым стихом с тремя томами комментариев продемонстрировал глубочайшее знание Набоковым французской литературы, питавшей произведения А. Пушкина. Набоков создал курс лекций по зарубежной литературе, преподавая американским студентам «таинственное и изысканное» – уметь видеть произведения в объёме, не упуская ни одной детали, вглядываться в тончайшие узоры искусства.

В последние годы, живя в отеле «Монтрёпалас» на берегу Женевского озера, достигший всемирной славы, но лишённый возможности вернуться в Россию, Набоков переиначивает строки любимого Н. Гумилёва:

«...И умру я не в летней беседке
от обжорства и от жары,
а снебесной бабочкой в сетке
на вершине дикой горы».

Как вспоминал сын писателя, Дмитрий Набоков, его отец оступился и упал на одном из горных перевалов Альп, охотясь за бабочками и долго вглядывался в небо, лишённый помощи. Так завершалась его борьба с бабочкой, и звёчным соперником, его ангелом и демоном – идеалом красоты и вечной женственности. Читателю его произведений, которые учатся видеть и постигать мир по-новому, от набоковской жизни остался «неповторимый водяной знак, который сам различают только подняв её на свет искусства» («Другие берега»).

Ирина Савкина

Доктор философии, Тамперский университет

Ревизия нацпроекта, или Тема книги и библиотеки в современной беллетристике

Одной из особенностей развития российской культуры и истории был литературоцентризм, или «литературократия», по выражению исследователя Михаила Берга¹. Сакрализация слова и текста, разделение искусства на высокое и низкое, истинное и площадное, профанное; понимание поэта, художника как пророка и плащатая истины, – все эти черты существовали на протяжении веков. Незрелость институтов гражданского общества превращала литературу в «наше все», усиливала идеологическую нагрузку на искусство и, прежде всего, литературу. Подобное отношение к художественной словесности, хотя и с другими идеологическими акцентами, сохранялось и в советское время. Представления о великой миссии писателя и о литературе как духовной сокровищнице нации тесно связаны с проблемой коллективной идентичности, с концептом русскости/ советскости. Можно сказать, что литература является своего рода «национальным проектом», недаром тема чтения и библиотеки так часто встречается в произведениях XIX и XX веков².

Во время перестройки и постперестройки ситуация видимо изменилась: литература перестала быть своего рода «религией», разрушились существовавшие культурные

и социальные иерархии, представители интеллигенции потеряли статус «жрецов», исчезло понимание поэта как пророка и мистических коннотаций вокруг Слова, резко понизился социальный статус литературы прежде всего под давлением других медиа-агентов: телевидения, радио, Интернета³. Рынок создал новую среду обитания литературы, новые практики книгоиздания и конкуренции (премии, гранты, рейтинги, проекты и т.п.). Эта изменившаяся ситуация стала предметом осмысления в самой литературе, где снова, но по-другому, чем ранее, актуализировалась тема книги и библиотеки. Ниже хотелось бы остановиться на анализе названной темы в некоторых романах, написанных в начале XXI века.

Появившаяся в 2000 году фантастическая антиутопия Татьяны Толстой «Кысь» вызвала в свое время бурную дискуссию в критике. Одной из тем полемики было как раз неожиданное отношение автора к сакральной для русской литературной традиции теме книги и читателя. Роман Толстой рассказывает о событиях, происходящих в постапокалиптической России через много лет после ядерного взрыва. Описывая живущее на месте бывшей Москвы странное, смешное и страшное сообщество мутантов, Толстая обсуждает ключевые концепты русского мифа (русская соборность, русское веселье, русская тоска) и изображает в остраничном виде основные социальные типы русского мира: простой народ (голубчики), интеллигенция, диссиденты (бывшие), пролетариат (перерожденцы). Одной из лейтмотивных является тема книги и библиотеки. Каждая глава названа буквой русского алфавита; книги в романе – желанный и опасный предмет, за которым охотятся «санитары» (что-то вроде тайной полиции), главный герой Бенедикт Карпов работает переписчиком и является фанатическим читателем, на досуге выпиливающим из дерева фигуру «шестипалого» Пушкина. Однако страсть к чтению приводит Бенедикта не к добру и просветлению, а напротив – к тому, что он становится одним из санитаров-наильников. То есть, ссылаясь на русскую лите-

ратуроцентристскую традицию, Толстая ее радикально проблематизирует. Важно не только, чтобы народ читал книги и читал Пушкина, а то, как, зачем и почему люди читают и что они вычитывают в текстах Пушкина. Как показал еще в 1990 году режиссер Юрий Маймин в фильме «Бакенбарды», сименем Пушкина на устах вполне можно создавать профашистские банды и терроризировать город.

Другая книга, тоже получившая заметную известность и отмеченная в 2008 году премией «Русский Букер», – это роман Михаила Елизарова «Библиотекарь», где тема библиотеки звучит уже в названии. Этот текст, как и «Кысь» Т. Толстой, можно отнести к жанру фантастики или антиутопии. В «Библиотекаре» рассказывается о том, как в свое время средней руки советский писатель Дмитрий Александрович Громов (1910–1981) написал семь банальных советских романов, которые при его жизни мало кто читал («Дорогами труда», «Пролетарская», «Тихие травы» и т.д.). Но после смерти писателя появляются «собиратели», которые узнают тайный секрет книг Громова. Они называют эти книги *Книга Силы, Книга Власти, Книга Ярости, Книга Терпения, Книга Радости, Книга Памяти и Книга Смысла*. Тот, кто прочитает эти книги, выполнив два условия «*Тишина и Непрерывность*», получает названные свойства или эмоции в очень интенсивной форме. Образуются кланы («библиотеки»), которые ведут смертельную борьбу за обладание «волшебными» книгами. «Читатели» находят в борьбе за заветные книги смысл существования, а «читальни» (подразделения библиотек) заменяют им семьи. В центре романа история «обычного человека» Алексея Вязинцева, который становится «библиотекарем» и спасителем России: он должен сидеть в бункере и перечитывать одна за другой книги Громова. Это гарантия его собственного бессмертия и бессмертия России.

Здесь, как и в книге Татьяны Толстой, прослеживается парадоксальная, но, как оказывается, возможная связь идеи книги, библиотеки и идеинасилия, войны.

Сила воздействия советской литературы, по Елизарову, в том, что она создает «воображаемую» память и пробуждает у человека эмоции, которые больше, чем его собственные; порождает необходимость групповой идентичности и борьбы, которая придает жизни смысл и сверхсмысл, но одновременно отнимает у человека персональность, а то и самое жизнь.

В следующем, 2009 году в лонг-лист премии «Русский букер» вошла книга Всеволода Бенигсена «ГенАцид», тоже посвященная теме книги и библиотеки. ГенАцид – это Государственная Единая НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ, которая должна сплотить разобщенный российский народ. Такой идеей в фантастическом романе Бенигсена власти объявляют Великую Русскую Литературу. Чтоб сплотиться в единый национальный организм, каждый гражданин должен выучить определенный фрагмент классического произведения. Полигоном для эксперимента по внедрению ГенАцида становится деревня Большие Ущеры. Ее жители сначала с удовольствием заучивают выпавшие им отрывки, но затем начинают происходить всякие не очень приятные события. Разгорается конфликт между заиками (теми, кому досталось учить прозу) и рифмачами (которым досталась поэзия). Один из читателей, прочитав «Очарованного странника» Н. Лескова, бросив семью, ушел искать Малые Ущеры. Другой, прочитав Чехова, повесился. Конец этой повести, начинающейся как юмористическая, вполне трагический: деревню накрывает волна насилия, жители, перессорившись, убивают не принимавшего участие в эксперименте инородца и сжигают библиотеку.

Главный герой вышедшего в том же 2009 году романа Виктора Пелевина «t» – граф Т., прототипом которого является великий классик Л.Н. Толстой. Но как всегда у Пелевина, реальное перемешано с фантастическим; граница между вымыслом, бредом и социальной сатирой, между виртуальным и реальным мирами прозрачна и проницаема. В романе присутствует метаязык, текст в тексте: повествование о

приключениях графа Т. придумывают в начале XXI века некий Ариэль Эдмундович Брахман и подчиненная ему бригада авторов, литературных негров: Митенька Бершадский, специалист по гламуру и эротике, остросюжетник Гриша Овнюк, «криэйтор психоделического контента» Гоша Пиворылов и др., которые исходят из убеждения, что «сегодня граф Толстой интересен публике только как граф, но не как Толстой. Идеи его особо никому не нужны, и книги его востребованы только по той причине, что он был настоящим аристократом и до смерти жил в полном шоколадном гламуру»⁴. Соавторы ориентируются на платежеспособных спонсоров, меняя цели, задачи, тип героя и все, что прикажут («зачем возиться с этой бодягой про покаяние. Давайте сделаем нормальный триллер с элементами ретродетектива и впарим ботве по самые бакенбарды» (100); «шестого автора наняли, православного реалиста, такой, знает е, духовный паровоз типа «спасу за копейки» (252) и т.п.). Еще одним объектом иронии Пелевина становятся бестселлеры, создающиеся путем смешения женских романов и псевдоисповедей. В «t» это романы Акиньи Олсуфьевой-Толстой «Как соблазнить аристократа? Как соблазнить гения?» «Моя жизнь с графом Т.: взлеты, падения и катастрофа» (217). Эти тексты создают фантомные имиджи, которые становятся единственной реальностью «Вы тот самый граф Т? – Какой тот самый? – Тот, про которого пишет Акинья Олсуфьева-Толстая в своих книгах» (225). То есть, Пелевин так же, как и названные выше авторы, проблематизирует идею о том, что литература остается духовной ценностью, скрепляющей нацию. Великая русская литература в романе скорее напоминает улицу с красивыми фасадами, где за стилизованными под старину стенами скрывается уже совершенно иная, приспособленная к нуждам момента начинка, там может быть хоть серпентарий, хоть бордель.

Можно сказать, что авторы всех названных выше текстов, написанных в жанре

фантастической, постмодернистской антиутопии, в той или иной степени занимаются деконструкцией литературоцентризма и мифа о спасительной силе русской литературы. Они показывают, что такие понятия, как «духовность», «великая литература», являются культурным конструктом, который может выполнять разные функции, в частности быть инструментом создания иерархий и доминирования, и вполне может соединяться с идеей насилия.

Однако, в современной беллетристике наряду с деконструкцией и проблематизацией «русских мифов» происходит и их реконструкция и укрепление, особенно в массовой литературе, которая часто апеллирует к классике. Примеров здесь можно привести великое множество. Из качественных текстов по литературе можно назвать романы «Ф. М.» Б. Акунина, или «Умница, красавица» Елены Колиной, или цикл «Капитанские дети» Анны Берсеневой. Последние два текста были экранизированы, что не удивительно, потому что массовая литература по своей природе «сериальна». Анализируя эти и другие литературные тексты, а также кино- и телепроизведения, включая недавний (2014) фильм режиссеров А. Вартонова и К. Михановского «Дубровский», мы можем сделать вывод, что попкультура использует классику для своих целей, делает ее частью механизма собственного воспроизводства, потому что формульная культура всегда работает с относительно готовыми клише, помещая их в актуальный контекст и создавая тем самым новые варианты формулы. В России с ее литературоцентристским прошлым классика представляет собой почти неисчерпаемый резервуар прецедентных имен и сюжетных мотивов, которые стереотипизированы интерпретационным каноном. Классика вмонтирована в нарратив массовой литературы – становится его частью, она используется как средство занимательности, комфортной узнаваемости и одновременно позволяет создавать вариацию формулы. В отличие от постмодернистских деконструктивных стратегий «работы» с классикой, в массовой

литературе с помощью классики литературные (и социальные, ценностные) иерархии реконструируются и упрочаются. Как показывает массовая литература, – классика поддерживает важный и комфортный для массового сознания российского человека миф о национально-ом величии и уникальности.

Самые важные в современном российском обществе концепты великой войны (победы) и великой литературы (духовности) являются весьма комплиментарными по отношению к «массовому человеку», ибо они ему льстят: создают чувство причастности к миру нормы и величия *независимо от собственных духовных усилий и образа жизни*, что позволяет власти легко манипулировать «подданными» через актуализацию этих чувств, запуская механизмы национального самодовольства и ксенофобии.

Литература:

¹ Берг М. Литературократия. Проблема присвоения и перераспределения власти в литературе. М.: Новое литературное обозрение, 2000.

² Турышева О. Н. Книга – чтение – читатель как предмет литературы. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011

³ См. об этом многие статьи сборника: Дубин Б. Классика, после и рядом. М.: Новое литературное обозрение, 2010.

⁴ Пелевин В. «t». М.: Эксмо, 2009, с. 95. Все дальнейшие цитаты по этому изданию с указанием страницы в тексте.

Надежда Матвеева

*Кандидат педагогических наук, доцент,
Санкт-Петербургский Государственный
университет Кино и Телевидения*

Этнокультурные традиции финнов и русских в праздновании «Сретения Господня»

Культура каждого народа (финского и русского) немыслима без традиций, норм и регламентаций, общего представления о долге, чести и совести, с опорой на моральные, религиозные и эстетические регуляторы, которые в полной мере сохранены в традиционных народных праздниках.

В Финляндии идёт постоянное развитие финско-русского диалога культур, в реализации которого важная роль принадлежит общественным организациям. Вся их деятельность направлена на осуществление роста взаимопонимания между финской и русской культурой.

Следует отметить, что Православная культура Финляндии признана неотъемлемой частью национального культурного достояния.

Огромную роль в развитии диалога финско-русской культуры играет Российский Центр Наук и Культуры (РЦНК) в Хельсинки, который является зарубежным представителем Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству. РЦНК был торжественно открыт в 1977 году при участии Председателя Совета Министров СССР А.Н. Косыгина в присутствии Президента Финляндии У.К. Кекконена, о чём свидетельствует запись в «Гостевой книге».

Важнейшая роль в межнациональном

Сретение. 16 век

культурном сотрудничестве принадлежит Институту Финляндии в Санкт-Петербурге, который был основан в 1992 году. Институт Финляндии стал местом встречи финской и русской культур, а также научного сотрудничества в северной столице России. Институт Финляндии организует выставки, концерты, семинары и другие мероприятия, а также оказывает поддержку преподавателям финского языка. Институт Финляндии в Санкт-Петербурге входит в состав сети культурно-научных институтов Финляндии, объединяющей 17 самостоятельных организаций.

Благодаря просветительской, образовательной и социальной деятельности общественных организаций и центров культуры оказывают большое влияние на формирование диалога культур между народами двух соседних стран – Финляндии и России.

Необходимо отметить, что существенную роль в формировании диалога культур между Россией и Финляндией вносят финские учёные. За выдающуюся исследовательскую деятельность в решении этой проблемы награждён Орденом Дружбы Тимо Виховайнен – финский учёный

профессор кафедры исследований России Хельсинкского университета.

Большое значение в формировании и сохранении диалога финской и русской культур на протяжении уже 11 лет сохраняют в своей деятельности организаторы журнала «LiteraguS» под руководством главного редактора Людмилы Коль.

Следует особо отметить тот факт, что на протяжении восьмилет в Хельсинки проводятся «Международные Сретенские чтения». В 2013 году в Успенском соборе города Хельсинки Божественной литургией были открыты «VII Международные Сретенские чтения», посвящённые 400-летию Дома Романовых.

Однако, обратимся к истории культурных традиций финского народа в праздновании «Сретения Господня». Первая оттепель в земледельческих районах Финляндии наступала довольно рано – в феврале. От первой оттепели отсчитывались различные важные сроки: через девять недель после этого вскрываются реки, через десять – можно начинать пахать, через двенадцать – сеять ячмень, а через 200 дней начинается уборка ржи и т.д.

Первая встреча Весны в Финляндии началась 2 февраля в день «Сретения Господня». Этот день относится к двенадцатым непереходящим праздникам. Праздник Сретения посвящён памятной встрече (сретении) Младенца Иисуса Христа в Иерусалимском храме с благочестивым старцем Симеоном, которому было предсказано Духом Святым, «что он не увидит смерти, доколе не увидит Христа Господня». Предание гласит, что праведный Симеон и пророчица Анна по внушению Святого Духа пришли в Иерусалимский храм, чтобы встретить младенца Христа, которого принесли туда на сороковой день. Святой Симеон взяв младенца на руки и сказал: «Ныне отпускаеши раба твоего, Владыко».

С этого момента Симеон стал Богоприемцем, благословив Иисуса как Бога, назвав его «светом во откровение языков». Симеон Богоприемец считается в народе хранителем младенцев, поскольку этот праведник на священных иконах обыкновенно изобра-

жается с Предвечным младенцем на руках.

Принесение во Храм младенца Христа его родителями состоялось на 40-й день после Его Рождества и на 32-й день после Обрезания. Согласно древнееврейским религиозным представлениям, которые сохранились и в христианской церкви, женщина после рождения сына считалась «нечистой» в течение сорока дней, а дочери – вдвое больше. Согласно евангельским мифам, Мария через сорок дней после рождения Христа принесла его в Иерусалимский храм, где их встретили прозорливые Симеон и Анна, которые предсказали, что этот беспомощный младенец родился «на служение спасения людей».

Сретение символизирует собой встречу Ветхого и Нового Заветов. Епископ Феодан Затворник писал: «В лице Симеона весь Ветхий Завет, неискупленное человечество с миром отходит в вечность, уступая место христианству...». Праздник Сретения возник в церкви Иерусалима и появился в её богослужебном календаре в IV веке. Первоначально он воспринимался не как самостоятельный праздник, а как день, завершающий 40-дневный цикл после праздника Богоявления. В качестве самостоятельного праздника годового календаря Сретение утвердилось в Римской церкви в конце V века, а в Константинопольской в первой половине VI века. Сретение относится к числу Господских праздников, посвящённых непосредственно Христу, но по своему богослужебному содержанию оно исключительно близко к праздникам Богородичным.

Праздник «Сретения Господня» носил у **финнов**, как и у других европейских народов, название «**Свечного дня**», (русских «Громница»).

В этот праздничный день было принято готовить определённые блюда. «В северной Финляндии – это была крупяная похлёбка с бараньими, свиными или коровьими ножками, которые заготавливались впрок ещё с осени. В центральной Финляндии варили «свечную кашу» – это была ячменная каша на крепком бульоне. Среди февраля (пятнадцатое число) в Финляндии было важным днём для предсказания

весенней погоды. Тёплая погода в этот день обещала раннюю весну. В этот день определяли также, насколько удачной будет подсека в этом году, а в южных частях страны первый раз после холодов выпускали кур и свиней на открытый двор».

Русские, как и финны, имели также свои народные календарные праздники, которые с принятием христианства обрели иное звучание и наполнились новым смыслом.

В древности у русских был народный праздник, который был посвящён первой встрече Весны и назывался «Громница» – праздник почитания огня (повремени он совпадает со Сретением Господним). Огонь, одна из «чистых» стихий и мироздания наряду с Водой. Вода считалась сестрой или женой Огня, но и его соперницей. Однажды, когда Огонь и Вода долго спорили и Вода начала осиливать, Огонь укрылся от неё в камень, из которого люди и стали его высекать. Согласно древним народным верованиям, Громница – это единственный день зимой, когда может приключиться гроза. В этот день можно услышать гром и увидеть молнии. Громницы посвящаются жене Перуна Додоле-Маланьнице (Молнии) – богине молнии и кормления детей. Громница в разгар зимы напоминает о том, что даже среди самых страшных бедствий может появиться лучик света – как яркая молния посреди лютной зимы, что всегда остаётся надежда.

Наши предки различали огонь небесный и огонь земной. Небесный огонь, приходящий с неба в виде молнии, почитали священным, а проявления этого огня – божественным. Также следует отметить, что в древности русские особо выделяли живой огонь, который ритуально зажигался трением дерева о дерево. От этого огня старались зажечь огонь домашнего очага. Считалось, что свечи, изготовленные на Громницу, обладают скрытой чудодейственной силой, которая оберегает дом от грома и молний, а также от всяких напастей. Громничной свечой, по поверью, подпаливали волосы людей и шерсть у животных от глаза. Прежде на Громницу освящали хлеб-соль, который хранился в доме как

Сретение. Рублев, 1408 г. (Гос. Русский музей)

надёжное средство от пожаров. Если пожар всё-таки случался, этот хлеб-соль бросали в огонь или в сторону, куда хотели отвести огонь. Бытовали в народе в этот период особые приметы. Примечали, у кого на выходе из церкви по пути домой не потухнет огонь, да если ещё на руку воск упадёт тремя каплями, тому обязательно будет счастье. В день Громницы на Руси был распространён символический обряд продажи ребёнка. На деньги, которые были выплачены за ребёнка, покупали свечи, поскольку существовало поверье, что пламя этих свечей зажигает огонь жизни. Так ребёнка этим обрядом «привязывали» к жизни.

Постепенно с принятием христианства Громница обрела новое название. Сретенье означает встречу. На Сретенье Зима Весну встречает, заморозить хочет, а сама от своего хотения только потеет.

Зима с Весной встретились впервой. Зима-зимушка заохала, к теплу поворачивает. Во всей Руси в этот день было принято быть на людях: «Зимобор, гляди, Сретенье на печи не засиди!».

В канун этого дня в старину «заклинали мышей», поскольку к этому времени года мыши, истощив свои съестные припасы, начинали кормиться закрестьянский счёт. Наши предки видели в Зиме большуху, хозяйку, и поэтому она представлялась им дородной, а на голове у неё, как у всякой бабы в деревне, красовалась кика. Кичка, кика – это бабий головной убор, который был увенчан двумя рогами или одним рогом. В сложной борьбе с Зимой, среди трескучих морозов и оттепелей рождалось время юной Весны. Нехотелазима уступать весне, и боролись они. И сшибала весна у зимы с головы рог, то есть кикку. В сретенский день проходила бабья потасовка-простоволосица. Борьба между замужними хозяйками и молодыми девушками наглядно показывала, что всё придёт в своё время (Весна Зиму победит), а юные девушки также станут замужними. Примечали, если на Сретение будет оттепель – весна ранняя и тёплая, если холод – весна холодная, а снег – к затяжной дождливой весне. Если на Сретение снег через дорогу несёт – весна поздняя и холодная.

Таким был этот день в народной культуре финнов и русских.

Христианская религия привнесла новые идеи и новые понятия, которые стали сосуществовать вместе с культурными традициями финского и русского народов.

Опираясь на вышеизложенное, необходимо сделать вывод, что синкретизм этнических традиций финского и русского народа постоянно развивался и развивается в историческом времени. Отметим, что два рядом живущих народа, при этом обладающие каждый своей самобытностью, всегда сохраняли и старались сохранить в своей этнокультуре факторы нравственности. Эти факторы наглядно выражены в праздновании первой встречи Весны в день первой оттепели, когда у финнов и русских повсеместно шло почитание природного Огня (Свечи), который для всех людей является символом надежды на лучшее, также на добрые и тёплые отношения, символом, который способен растопить лёд отчуждения и непонимания между людьми.

Инна Минеева

*Кандидат филологических наук, доцент
Петрозаводского государственного
университета*

Остров Готланд как (пра)родина свободы vs несвободы? Поэтический опыт Т. Бек

Рубеж XX–XXI вв. – начало формирования «шведского» текста русской литературы. Однако здесь мы имеем дело с одновременно парадоксальным и в то же время вполне объяснимым фактом. «Шведский» текст русской литературы формируется не только «внутри» самой Швеции, благодаря творчеству эмигрантов, но и «вне» ее географических границ. Есть отдельные случаи, когда писатели долгое время находились на территории скандинавского королевства, но не в качестве эмигранта, получившего в свое гражданство, а путешественника. После возвращения домой – Россию, Великобританию, Америку – многие из них оставили художественные отклики о своем пребывании в Швеции, на островах Балтийского моря, фьордах и водопадах.

Центральное место в формировании «шведского» текста занимает образ Готланда. О балтийском острове писали и пишут прозаики и поэты главным образом из России и США, проживавшие/проживающие на транснациональных пограничных российских территориях, или часто посещавшие/посещающие Швецию в качестве переводчиков со скандинавских языков, журналистов – международных или просто путешественников.

В рамках данной статьи представим

трактовку образа Готланда в поэтическом творчестве Т. Бек.

Татьяна Александровна Бек (1949–2005) – поэтесса, историк литературы, критик, переводчица со шведского и датского языков. Со скандинавской историей и культурой Т.А. Бек связана ген еалогически, профессионально творчески. Невольно идентифицируя себя с человеком североевропейского происхождения, она писала: «Для меня родовые корни отнюдь не пустые слова. Верю в мистику происхождения. Мой отец Александр Альфредович Бек – из обрусевших датчан. Согласно семейной легенде (отец – сего пристрастием к фактам и документам – уже в 60-е удостоверился в ее точности, покопавшись в ленинградских архивах), прадеда, Христиана Бека, “выписал” из Дании сам Петр I в качестве опытного почтмейстера – организовать российскую почту. От скандинавов досталась по наследству странная во мне обязанность, даже занудливый педантизм»¹.

Семейно-родовая история и интуитивно подтолкнула Т. Бек к выбору будущей профессии. В 1972 году она окончила факультет журналистики МГУ со специализацией «шведский язык». За сделанным поэтессой профессиональным выбором скрывалось ее внутреннее, покаянное стремление к познанию и узнаванию своей скандинавской прародины. В ситуации советского «железного занавеса» в ее сознании сработали законы культурной и исторической памяти как некоего способа противостояния культу вирующему в стране информационному «голоду» и создававшемуся религиозному и культурному «вакууму». Однако несмотря на предпринятую попытку постичь дух скандинавской ойкумены, ее облик все же оставался для Т. Бек в пору студенчества туманным и бледным. Мешала идеология. Для советского человека, как вспоминала поэтесса уже в зрелом возрасте, Скандинавия была полужакрытым пространством². Искусственно создающийся на страницах советских учебников образ североевропейских государств не давал созидательного импульса. «В университете, – писала Т. Бек, – я учила шведский язык, пас-

сивно его знала, хотя никогда не говорила <...> И, хотя получала за него свои “пятерки”, знала его, как мне казалось, на уровне словаря. Во всяком случае, имела довольно смутное представление о том, как звучит живая шведская речь на самом деле»². Активизировавшееся в студенческие годы внутреннее скандинавское горение столкнулось с внешней тупиковой советской событийностью. Возможно, сформированные в семье и приобретенные во время учебы знания о скандинавской ойкумене так бы и остались в жизни и творчестве Т. Бек инертными и невостребованными, если бы не один случай. В «глухом» 1976 году ей предложили сделать несколько переводов со шведского языка для готовящейся тогда к публикации антологии «Современная шведская поэзия» (М., 1979). В то время, по словам поэтессы, «подобные книжки <...> считались <...> редкостью <...> Выпустить такую книгу – все равно что прорубить окно в Европу»². Т. Бек согласилась на предложение коллег с энтузиазмом, взялась за переводы, открывшие ей новые грани североевропейской (пра)родины.

В ее переводах на русский язык вышли стихотворения Э. Тегнера (*Esai as Tegnür*, 1782–1846), лирика Э. Блумберга (*Erik Blomberg*, 1894–1965), книги П. Лагерквиста (*Pär Lagerkvist*, 1891–1974), поэзия Т. Транстремера (*Tomas Gusta Tranströmer*, 1931) и др. Как вспоминала Т. Бек, в процессе работы над антологией включались ее «шведские гены». Часто по мотивам шведских переводов она создавала собственные стихотворения. Ближе всех для нее стала поэзия Т. Транстремера, которую она переводила нерифмованным стихом. Это был сложный стиховедческий, творческий и лингвистический эксперимент. Согласно воспоминаниям Т. Бек, она была потрясена поэтическими «признаниями» и «неочевидной исповедью» шведского поэта: у него «все происходит при свете смерти», «он так смотрит на мир <...> он смотрит на мир открытыми глазами, потому что знает, что видит все в последний раз»³. Поэтессу заворожили его интенсивно организованные верлибры, сильно выраженные аллитера-

ции, внутренние рифмы. Несмотря на то что Т. Транстремер олицетворяет собой образ национального шведского мировосприятия во всеобщем мировом целом, выходящем за рамки узко национального, все же исключительно шведским в его лирике Т. Бек называла «Цвет. Колер. Не только световой, но и звуковой. Все как будто сквозь серую дымку. Серую – не в смысле скучную, а того цвета, какой бывает у некоторых импрессионистов. Цвет балтийского тумана»³.

Современники Т. Бека неоднократно отмечали ее страсть к путешествиям. Каждая поездка оборачивалась для поэтессы познанием нового, странничеством души, поэтическим откликом на происходящее с ней в иной культурной среде. Изразных далеких стран она привозила с собой стихи. В беседах с коллегами Т. Бек неоднократно говорила о своей мечте: «Всю жизнь мечтала побывать в Скандинавии. Гены»². Мечта осуществилась. Поэтесса попала в Швецию почти через двадцать лет после своих первых переводческих опытов в 1998 году. Однако при этом знаменательно выбранное ею место уединения – остров Готланд.

Путевые впечатления о скандинавском острове нашли свое отражение в одной из самых ярких и глубоких книг Т. Бека – «Шведская тетрадь» (1998).

Каким же увидела поэтесса Готланд? Говоря об особенностях авторского восприятия балтийского ландшафта, мы сталкиваемся с парадоксальным антропологическим и творческим фактом. Повседневная и творческая рефлексия Т. Бека противоречат друг другу. В устных рассказах Готланд ассоциировался у поэтессы с пространством свободы, музыки, гостеприимства, гармонии и благодати. «Остров необыкновенной красоты, – делилась она в беседах с друзьями, – Готландцы, даже считают его “отдельной страной” в Швеции. Эта поездка стала для меня важнейшим событием. Во-первых, почувствовала там необычайный прилив энергии – словно в меня снова вдохнули жизнь. Стали записываться стихи. Во-вторых, на третьей неделе пребывания у меня актуализировался шведский язык, дремав-

ший в голове почти тридцать лет. И вдруг – о, чудо! – я начала с дикими, наверное, ошибками, акцентом, но активно говорить на шведском, понимать разговоры окружающих»². Более того, находясь «там», поэтесса разглядела в Готланде и свою возможную родину, где бы при определенных обстоятельствах она сумела обрести свое творческое «я»: «<...> если бы <...> случилась вторая жизнь, в Швеции я, наверное, могла бы жить. Для меня это близкая страна»¹.

Иная тональность восмыслению островной ойкумены наблюдается в поэтической рецепции Т. Бека. В написанных в Швеции стихотворениях Готланд предстает амбивалентным местом. Это земля исторических, политических, социальных и ментальных контрастов. Именно в северном краю поэтесса остро почувствовала и осознала хаос и трагизм бытия, которые, по ее мнению, превалируют на исходе столетия во всем мироздании. На балтийском острове живописность обречена на вымирание, свобода оборачивается новой несвободой, иллюзией различных благ, гармония соседствует с дисгармонией, (пра)родина оказывается чужой и чуждой стороной, которую мысленно в глубине души трудно принять. Подобные самоощущения приходят к поэтессе далеко не сразу. Они рождаются постепенно по мере освоения ею скандинавского пространства – от радости знакомства с другой географией, бурной экспрессии через разочарования, состояния обреченности, отчаяния до нового самоопределения.

В шведских стихотворениях Т. Бека главным нервным узлом, точкой напряжения, отражающей ее двойственную рефлексивность, является ситуация взаимоотношения внутреннего и внешнего миров, контакта между психологическим миром человека и окружающей его действительностью. Чаще всего подобные соприкосновения оказываются у нее ментально, визуально и интуитивно несовместимыми.

В стихотворении «Готланд» (1998) лирическая героиня представляет собой автопортрет поэтессы, «стусток» ее основных

Людмила Луцевич

Доктор филологических наук, профессор
Институт Культурологии и
Антропоцентрической Лингвистики
Варшавский университет

Поле исповедального «пинг-понга»

В России жанр писательской исповеди возник в конце 18 в. и достаточно широко распространен в 19 в. В советскую эпоху он утратил популярность. А в постсоветскую – расцвел пышным цветом. Помимо десятков беллетристических текстов, появились и автобиографические произведения, среди которых *Исповедь отщепенца* (1990) Александра Зиновьева; *Исповедь книгочея* (1991) известного медеевиста Вадима Рабиновича; *Литературное покаяние. Красная площадь* (1995) популярных эмигрантов Эдуарда Тополя и Фридриха Незнанского; *Признания скандалиста* (1999) культового автора Виктора Топорова; *Исповедь сына нашего века* (2006) Эдуарда Радзинского; *Изгнание из Эдема. Исповедь еврея* (1994) Александра Мелихова; *Покаяние свидетеля, или Поиски сюжетов в век чумы* (2010) кинорежиссера Леонида Аграновича; *Исповедь уставшего грешника* (2013) театрального режиссера и писателя Андрея Максимова и другие.

В конце 90-х гг. XX в. к жанру исповеди обратилась и Людмила Коль. Ранняя версия романа *Игра в пинг-понг. Исповедь не-Героини* была опубликована в Финляндии¹, расширенная и дополненная – чуть позже в России². О творческих установках самой писательницы можно судить, например, по такому высказыванию. В эссе *Из моей зарубежной автобиографии*, предваряющем роман *Свидание с героем* (2007) Л. Коль написала: «По существу, все мои литературные произведения – это фрагменты моей собственной жизни. С единственной,

пожалуй, разницей: в какой позиции я выступала – как участник или как наблюдатель. Любопытный рассказ, новелла, повесть или роман могли бы служить эпизодами автобиографии»³. Это признание автора дает основание изначально говорить об *Игре в пинг-понг* как автобиографическом романе. Позиции писательницы здесь многообразны – и реципиент (слушатель, хранитель семейных преданий), и участник, и заинтересованный наблюдатель, а также аналитик и интерпретатор со своими мнениями и оценками.

Семантика названия *Игра в пинг-понг* определяется двойной метафорой: 1) *игра – есть жизнь* (вспоминается фраза, приписываемая Шекспиру: *Вся наша жизнь – игра, аллюди в ней – актеры*; у Шекспира, как известно, жизнь сравнивается с театром, и эта реминисценция отразится в романе); Людмила Коль сравнивает жизнь 2) со спортивной игрой в *пинг-понг* (прямой перевод слова сангл. – *стук-стук*, что ассоциируется с известным рассказом И.С. Тургенева *Стук...стук... стук!...* (1870), который писался как «воспоминание молодости»⁴). Кстати, Тургенев – один из любимых авторов юной героини романа, его произведения она зачитывалась с девяти лет (207): «Я читала Тургенева и мечтала» (82), друзья называли Надю «тургеневской девушкой» (207).

Возвращаясь к названию, напомним, что игра в *пинг-понг* основана на перекидывании специального мяча ракетками через игровой стол с сеткой по определенным, достаточно жестким правилам, малейшее нарушение которых карается. Поле игры ограничено *пространством* – поверхностью стола (размеры стола точно определены: длина – 2,74 м, высота – 76 см от пола, ширина – 1,525 м.), границы которого ничем не защищены. Игра ограничена также *временем* (5 или 7 партий, каждая партия длится около 10 минут, в целом максимум – 1,5 часа). Я не случайно остановилась на деталях, касающихся игры в *пинг-понг*. На мой взгляд, название выражает тематическую основу книги с ее определенными ритмами, включающими еже-

дневную бытовую рутину: встал, почистил зубы, принял душ, позавтракал, ушел, пришел (с.231) и т.д.; муж не-Героини ближе к финалу раздраженно скажет: «Мы играли в пинг-понг... и ты меня все время обыгрывала» (231). Но и сама не-Героиня, как оказалось, не в выигрыше: «Вся жизнь оказывается, просто игра в пинг-понг, в которой нужно вовремя отбить мячи к! Тогда у тебя будет дом с бассейном! Больше ведь ничего в этой жизни не нужно! Вот, оказывается, к чему сводится вся человеческая копошня! Она, похоже, проиграла партию» (290-291). Название содержит в себе не только тематическую, но и концептуальную основу. *Пинг-понг* исповедального романа это не только повседневная повторяемость, но и извечные, общечеловеческие ритмы: рождение/смерть, любовь/предательство, надежды/поражения, отъезды/приезды, встречи/разлуки; пинг-понг – это игроки, постоянно меняющие свои роли: то подающие, то принимающие, то дающие, то берущие, то нападающие, то обороняющиеся, то, казалось бы, победители, а в результате все – побежденные, поскольку время истекло и уже не «отбить мячик».

Хочу особо подчеркнуть значимость вообще *мотива игр* в романе. Он является сквозным. Если в первой части романа содержание этого мотива определялось играми детей, то во второй – театральным лицедейством и лицемерием взрослых. Одна из финальных реплик романа: «Ну вот, сцена опустела, актеры ушли, декорации беспомощно повисли» (297) – шекспировская реминисценция.

Главный персонаж – Надежда Лаптева (затем Никитина). В первой части она – автор дневника (повествование ведется от 1-го лица), а во второй – *не-Героиня*, персонаж романа, который создан Героиней – успешной писательницей, проживающей за рубежом России. Наряду с Надей/Наждой, значимым героем романа, является время. Время, как известно, в художественном произведении неразрывно связано с пространством. Для обозначения этого единства Михаил Бахтин ввел понятие художественного хронотопа, в котором

«время сгущается, уплотняется, становится художественно-зримым; пространство же интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета, истории. Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем»⁵. Это хронотопическое единство получило свое выражение в структуре текста. Основное содержание романа включает две части. При этом *Часть первая* хронологически охватывает преимущественно послевоенный период до перестройки – несколько десятилетий; *Часть вторая* – собственно перестройку – несколько лет. По сути – первая часть – это советская история; вторая – начало постсоветского периода. При этом наблюдаются постоянные возвращения (принцип *пинг-понга*) повествователя к детству Нади.

Что касается пространственных параметров, то первый период внешне определяется преимущественно географией Советского Союза, второй более соотносится с картой «развивающейся» страны и Европы. Большую часть текстового поля первой части занимает описание детства. Для героини романа детство – наиболее аксиологически значимый период жизни. Став взрослой, она, по признанию, начала сочинять «тексты... еще не зная, что из них в конце концов получится» (252). Но изначально она была убеждена в том, что «у писателей лучше всего и правды вее всего получается, когда они пишут о себе, а особенно о детстве» (254). Восприятие детства, отношение к нему сопровождается устойчивой оценочной характеристикой: «У нее было хорошее детство» (254) и вписывается в традиционный для русской культуры миф о «золотом» детстве. Хотя условия жизни маленькой героини были исключительными, наоборот, было немало трудностей, типичность которых для большинства московских семей послевоенной поры неоднократно отмечается. Но здесь важна внутренняя атмосфера радостных детских открытий жизни, в которой пребывала Надя.

Из своего дошестилетнего возраста героиня помнит 12-метровую комнату в коммуналке: «вся жизнь проходила в ком-

нате... Квартиру лишь пересекали, чтобы попасть к себе и захлопнуть дверь изнутри» (9). «Для меня наша квартира ...была нормальной жизнью – другой я не знала» (11). Любопытно представлена топография коммунальной квартиры (тема для самостоятельного рассмотрения). Каждая эпоха имеет свое преломление в быту, в формах его организации. При этом дети иначе, чем взрослые воспринимают бытовую жизнь: «то, что взрослым кажется в ней трагически невыносимым, детьми часто воспринимается как веселая игра» (11). Все в совокупности создает неповторимый дух времени.

Поначалу жизнь юной героини ограничена «семейным пространством»: комната, коммуналка, позже двухкомнатная квартира. Родственными связями обусловлены рано начавшиеся перемещения по Советскому Союзу. Летом семейство отправлялось «на Украину. У дедушки и бабушки был в Сумах дом...» (19). Добирались с пересадками – то в Конотопе, то в Белгороде, то в Харькове. Сумский дом противопоставлен «крошечной комнатке в Москве» (22). Это не просто красивый дом, это настоящая усадьба с галереей (террасой) и таинственной тенью сада; где комнаты с «высокими двойными дверями с медными ручками», где есть «белая кафельная печь», странный «серебряный термометр Реомюра» и «гнугые венские стулья» (22), где висят портреты и картины, на одной из которых – засыпанная снегом деревня с уютными огоньками в окошках, на другой – «голубое озеро, голубое небо» и вдали «серо-голубой замок» (23). «Что-то волшебное, сказочное» (23) поселилось в душе маленькой героини именно в этом доме, хотя здесь ей сказок никто не рассказывал, они остались в московской комнате с бабушкой Ниной (сказки, кстати сказать, очень печальные: «У королевы всегда было грустное лицо, и она часто плакала» (17). Печальной была судьба самой бабушки Нины. Сумские повествования – это не сказки, а реальные «рассказы» о счастливой любви Проши и Муры (дедушки и бабушки), доказательством которой служили документы – письма, записки (31). В памяти девочки сохранились

очень светлые впечатления об украинском доме, поездках, городах: Сумы: «чистенький, соприртыными светлыми улицами» (19), по Харькову: «разлита ... особенная чуткая тишина... <...> мы кружим по дорожкам ...идем по городу» (21). Москва этого же времени в памяти героини – это «метро... Кремль, ...троллейбусы-автобусы-трамваи» (33). Постепенно семейно-бытовое пространство соединяется с общественно-социальным: школа. Школа – это и четырехэтажное здание, где были прекрасная библиотека, кабинеты биологии, химии, физики, рисования и т.д., и социальный институт. Школа, хотя и расположенная на окраине Москвы, у Окружной железной дороги (60), обладала добрыми старыми традициями. Любопытное наблюдение: рядом с жилыми домами москвичей располагались дома жителей колхоза «Смычка». Колхоз был огорожен зеленым забором, за которым шла своя деревенская жизнь, так и не «сомкнувшаяся» с жизнью столичной. Столица ее городскими топами (Черемушки, Кунцево) и локусами (прокуровые магазины, детская библиотека, Большой театр, Всесоюзная промышленная выставка, Георгиевский зал Кремля и проч.) фоновно постоянно присутствует в тексте, но главные детские ценности соотносятся с южными поездками. При этом украинское пространство – солнечное, спокойное, сказочное, а московское – холодное, динамичное, реалистическое.

Далее «география» расширяется: у героини возникли дополнительные возможности пространственного передвижения, связанные с обучением в университете (фольклорно-диалектологическая практика, когда студенты ездили в русские деревни собирать чудом уцелевший фольклор и разговоры; поездки в соцстраны: Венгрию, Чехословакию, Польшу по «студенческому безвалютному обмену» (123), др.). Принцип *пинг-понга* продолжает действовать: отъезды-приезды, встречи-расставания, прошлое-настоящее...

Во второй части в центре авторских наблюдений незаурядная женщина, замкнутая в капсуле одиночества. Наряду с

российским пространством, все чаще вырисовывается «иное»: Копенгаген, «развивающаяся» страна (145), Франция (159). В этой части романа немало горьких и саркастических зарисовок как россиян, чья жизнь резким образом изменилась в самой стране в период начавшейся перестройки, так и соотечественников, которые, оказавшись за рубежом, пытались обустроить свой быт и бытие. Появившаяся свобода географических перемещений не обусловила внутренней независимости для большинства из этих людей.

Итак, романе воссоздано поле личного «исповедального пинг-понга», то есть пространство индивидуальной человеческой памяти, где прошлое и настоящее семьи и страны (с ее географическими и культурными топосами и локусами) находятся в состоянии нескончаемого диалогического взаимодействия. Но это лишь одна сторона. Другая открывает широкое поле до советской, советской, постсоветской истории и/политики/власти/культуры как сложнейший социологический феномен, формировавший на разных этапах своего существования определенные модели человеческого поведения и создававший соответствующую аксиологическую иерархию (тема для отдельного изучения).

Литература:

¹ Людмила Коль: Играв пинг-понг. Исповедь не-Героини. Хельсинки: Норд Принт, 1999. – 152 с.

² Людмила Коль: Играв пинг-понг. Исповедь не-Героини. Санкт-Петербург: Алетейя, 2011. – 305 с. Далее цитируется это издание с указанием страницы в тексте в скобках.

³ Людмила Коль: Свидание с героем. Роман-триптих. Санкт-Петербург: Алетейя, 2007, с. 5.

⁴ И.С. Тургенев: Собр. соч. В 12 т. Т. 8. Москва: Художественная литература, 1978, с. 489.

⁵ М.М. Бахтин: Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М: Художественная литература, 1975, с. 235.

Михаил Микешин

*Доктор филос. наук, профессор,
заведующий кафедрой философии
Национального минерально-сырьевого
университета «Горный», директор Санкт-Петербургского научного центра истории
идей*

Метафоры гуманитарных пространств

Наше понимание и преподавание истории и теории гуманитарных дисциплин как в Европе, так и в России, явно или неявно базируется на некоторых метафорах, и одна из них – метафора «*совета великих*»: упоминаемые в спецкурсах мыслители жили или живут, конечно, повседневной текущей жизнью своего общества – в основном, политико-экономической, с некоторыми моральными проблемами, – но «выходят» друг за другом на «мировую трибуну» и вступают в дискуссию со своими великими предшественниками и современниками, предлагая гениальные индивидуально изобретенные новые интерпретации важных проблем и доктрин. «Великие» не столько не ошибаются, сколько «делают следующие шаги» по «магистральному пути человечества», «вносят неоценимый вклад» в его «сокровищницу».

Существуют два основных варианта этой метафоры:

– с «истиной», т.е. с *иерархией* «мудрецов»: некоторые из них «ближе к истине» или уже «достигли» ее;

– безединой или постижимой «истины», т.е. собрание «великих» предстает в виде более или менее «круглого стола», дискуссионного клуба.

Интересно, что набор идей и доктрин, которые обсуждают «великие», довольно невелик. Состав этого набора, конечно, пытаются объяснить или хотя бы опреде-

лить теоретически, называя его компоненты «архетипами», «мировыми проблемами», «основными вопросами».

Для развития базовой метафоры используются по крайней мере еще три класса абстрактных образов в идеальном пространстве:

- «действующими лицами» оказываются абстрактные, теоретически созданные сущности (например: «признаки классифицируются», «картина мира формируется», «компонент представлен категориями», «проблема предстает», «построение теории осуществляется» и т.д.);

- «действующими лицами» являются также некие «культурные личности», имеющие индивидуальные имена («Кант», «Маркс», «Толстой»), но лишённые почти всех свойств и отношений, характерных для тех реальных людей, которые эти имена носили в действительности;

- используется понятие «мы», обозначающее тех, от имени которых рассуждают и про которых рассуждают – видимо, имеется в виду если не все человечество, то некая существенная, но никогде не описываемая его часть.

Спрашивается, что может и что не может дать такая метафора? Какова ее инструментальная ценность?

Ясно, что подобная базовая метафора отражает сам образ жизни интеллектуала, когда он, побеждаемый горестями и мира сего, уходит в мир идей, чтобы почувствовать там свою значимость и приобщенность к вечному и возвышенному. Кстати, вернувшись оттуда, он чувствует себя в праве оценить тех и советовать тем, кто «не посвящен». Интеллектуал играет роль жреца, камлающего и «советующегося» с «духом». Связь происхождения этой метафоры с моделью идеального мира Платона и религиозными представлениями о посреднической роли служителей культа, в том числе наставников в религиозных школах, очевидна.

В самом деле, базовая метафора окружена сплошной мистикой:

- предполагается, что все, собравшиеся в «клубе избранных», говорят на одном каждому из них понятном языке – как это получается и почему в «мире идей» не нужны переводчики?

- как при этом у «великих» рождаются новые идеи – это есть тайна индивидуального гения?

- как связаны – если вообще связаны – новые идеи с социальными условиями, в которых живут их «производители»?

- почему «найденное наверху» подходит для объяснений и советов тем, кто «внизу»? и т.д.

Как же должны влиять мнения «великих мыслителей» на людей? Следует ли «прислушиваться» к мнениям и советам «мудрецов» или «руководствоваться» ими? Метафора подразумевает следующий ответ: важнейшую роль в «использовании» великих идей играют посредники, т.е. интеллектуалы, эксперты, учителя, цель деятельности которых состоит в том, чтобы разъяснить, популяризировать и внедрить смыслы и мнения «великих» не только и даже не столько своим ученикам, сколько сильным мира сего; они должны поддерживать в обществе представление о том, что без учета компетентных мнений «великих» и без обращения к постоянно объясняющим мудрости и «небожителей» экспертам-интеллектуалам невозможно управлять государством, распределять милости и ценности, принимать ответственные решения.

Возможно, долгая жизнь данной базовой метафоры во многом определяется именно проблемой поддержания статуса интеллектуала, эксперта, наставника. Похоже, эти последние вносят и наибольший вклад в создание образов самих «великих» – перво-священников истины.

С этой метафорой и образом посредника непосредственно связана и другая базовая метафора, представляющая *знание*. Знание трактуется как субстанция, подобная материальной, например, золоту. Его можно приобрести, сохранить, приумножить, спрятать, сделать тайным. Им можно владеть и поделиться. Оно драгоценно, его

добывают, оценивают. Существуют особые предприятия по добыче и переработке знания – научные институты и лаборатории, учреждения по его раздаче-использованию – университеты. Хранением, кажется, занимаются оба типа учреждений вместе с библиотеками и архивами. Единственное необычное свойство знания по сравнению с золотом состоит в том, что при «раздаче» знания, оно не убывает у «раздающего», у «владеющего» им. Как и золотом, знанием надо уметь «пользоваться», «применять» его. Безумный человек обществам упадет теряет умение правильно или вообще как-нибудь применять знание, то есть фактически лишается его. Очевидно, что такая метафора знания противоречива, однако, это не мешает ей успешно существовать длительное время и служить основой для интерпретации науки и образования.

С помощью метафоры «знания-золота» можно описать «мудрецов» и «посредников»: «великие», «гении» и их талантливые помощники-ученые – это те, кто пополняет сундуки «златом-знанием», а интеллектуалы-эксперты-учителя – это те, кто достает определенное знание из определенных сундуков в определенное время и раздает его определенным ученикам. Однако, как известно, «что охраняешь, то и имеешь», поэтому иногда так трудно отлучить мыслителя от преподавателя, библиотекаря и архивиста – от исследователя, жреца – от божества.

Преподавание в указанных метафорах имеет существенные следствия для процесса обучения. Секуляризация образовательной деятельности уже во многом коснулась ее предмета, но еще сохраняются ее древние базовые метафоры и методы.

Учитель становится посредником между миром «посвященных» и миром «непосвященных». Его задача – ввести слушателей хотя бы в прихожую «клуба великих», научить их понимать хоть что-нибудь в их высказываниях.

Ученик понимает, что самое главное для него, если он хочет успешно закончить свое образование, состоит в том, чтобы ужасно

много знать на память чужих – особенно «великих» – мнений и текстов, чтобы хотя бы начать понимать, что говорят «великие» в своем «клубе». Ученик не может закончить образование, не чувствуя себя готовым что-то сказать и сделать самому, боясь «плюнуть в вечность». Освоение языка «мудрецов», умение понять и изложить их мысли, т.е. достать и использовать «золото из хранилища знания» – вот чем в данной метафорической «троице» («великие» – «знание-золото» – «посвященные») определяется развитие мысли каждого человека. Это не метафора ремесленничества – эти знания и навыки не рецептурны, их не добыть по принципу «делай, как я» – эти знания «священные». Они «*фундаментальны*». Таким образом, понятие «фундаментальности» также относится к элементам данного метафорического пространства. В этой метафорике основы мира неизменны, а знания о нем накапливаются веками.

Исследования последнего столетия показывают, насколько «фундаментальные» гуманитарные концепции зависимы от идеологических установок.

Хорошали подобная тройная метафорическая конструкция для сегодняшнего образования? Адекватна ли она существующим сегодня интерпретациям мира, мышления и человеческой деятельности в истории? Не мешает ли она поискам и выбору вариантов? Возможны ли другие базовые метафоры для преподавания истории и теории гуманитарных дисциплин, кроме тех, для укоренения которых так много сделал еще Ян Амос Коменский в XVII веке? Очевидно, что знание истории и теории той или иной гуманитарной дисциплины не является практическим навыком. В чем же тогда его роль, кроме индоктринации, т.е. обоснования господствующей концепции (парадигмы)? Переход от теории к практике, от «фундаментальных» знаний к инструментальным в данной метафорике весьма затруднен. Проблема «как применить» концепции знания иначе, чем для понимания «великих», или вообще не ставится, или не осознается как проблема.

В такой метафорике, например, элек-

тронные средства могут использоваться лишь как средства хранения и доставки информации, автоматизации писания текстов, проверки знаний. Они невносят ничего принципиально нового: компьютер есть лишь комбинация библиотек, пишущей машинки и почтового отделения.

В рамках указанных метафор чаще всего осознаются сегодня практически все моменты процесса модернизации и установления соизмеримости различных – европейских и российской – образовательных систем, т.е. именно в этих рамках ищутся ответы на вопросы:

- что такое «хорошее образование»?
- как «соизмерить» разные курсы разных преподавателей?
- зачем нужна мобильность?
- как оценивать качество образования?
- как относиться к различиям образования по странам университетам?
- чем – если это действительно так – «лучше» или «хуже» англосаксонское образование?

Например, зачем нужна мобильность в нашей метафоре? Видимо, только для перехода в места, где больше «посвященных», где ближе к «великим», – как путешествия в святые места и монастыри какой-нибудь религии.

Необходимо ли в такой метафоре образования учителями и учениками социальных сетей? Если для учеников взаимные связи еще могут иметь некоторый смысл, например, для взаимопомощи, то наставники – в чем, к сожалению, легко убедиться на практике – видят друг в друге чаще всего яростных конкурентов за статусные места, за (часто административное) право быть «сертифицированным», «аккредитованным» толкователем доктрин в той или иной области дисциплинарного пространства. Видимо, сети не являются необходимыми по сути самого процесса такого образования, они и спользуются лишь как возможные социальные схемы, облегчающие или обогащающие возможности жизни. Качества, которые можно отнести к сетевым,

приходят в такую метафору в основном извне – из науки, из иных социальных форм совместной деятельности – общин, сообществ, бизнеса и т.д.

Каковы альтернативы для данной метафоры, пришедшей к нам из глубокой древности? Являются ли настоящими альтернативами различные концепции «социокультурного и исторического фона» и взаимодействия «мыслителя» и «фона», если базовая метафора остается прежней? Приводит ли к альтернативам критика высказанных «мыслителями» идей при проверке их логической непротиворечивости, выявления их опоры на различные авторитеты, выяснения связей с эмпирией и т.д.?

Более или менее серьезные альтернативы данному подходу основываются на других базовых метафорах. В качестве примера можно привести уже упоминавшийся «ремесленный» подход «делай, как я», который обязательно подразумевает наставника, гуру, мастера, но может быть свободен от образа «касты» избранных. Мастер достиг многого, потому что уже прошел свой путь. Теперь он может наставить на «путь истинный» своего ученика, лишь помогая ему избежать ошибок и найти себя, даже не зная заранее, куда придет ученик, который может и превзойти своего учителя. Конечно, в данной школе тоже есть недостатки: мастер может превратить свой путь и свои правила догмы заставлять ученика слепых копировать, но «настоящие гуру» избегают этого.

Видимо, близким к такому пониманию обучения является модный ныне коучинг (coaching). В основе коучинга лежит принцип, состоящий в том, чтобы не давать обучаемым авторитетных указаний, а побуждать самостоятельно находить решения, помогать им проявить их собственные способности, навыки и потенциал.

Диалог культур развивает воображение участников, позволяет посмотреть на привычное со стороны, побуждает к изобретению новых, более эффективных метафор, поощряющих сотрудничество, индивидуальную ответственность.

Ирина Такала

*Доцент, Петрозаводский
государственный университет*

Контактная зона или культурный барьер? Трансформация роли Финляндии и Карелии в российско-европейских культурных контактах 18–21 веков

Сначала о теме конференции «Россия и Европа: диалог культур». Полагаю, что при рассмотрении столь сложной и многообразной проблемы невозможно ограничиться простыми сопоставлениями исторического развития и культурных контактов России и стран Западной Европы. Сегодня многие вновь задаются вопросом о том, насколько глубоко и органично Россия принадлежит Европе, что означает для России проблема европейской культурной идентичности, как она идентифицирует себя и каково её место в диалоге культур? Политические события последнего времени снова инициировали в российском обществе интерес к дискуссиям 19 – начала 20 вв.: спорам славянофилов и западников, разнообразным концепциям «русской идеи», доктринам евразийцев. Напомним, что предшествовало появлению этих дискуссий. Считается, что точкой отсчёта длительного периода самоидентификации России стали реформы Петра I, который безоговорочно сориентировал страну на Европу. Однако на протяжении практически всего 18 столетия ни представители русского образованного общества, ни западноевропейские наблюдатели не склонны были

усматривать какое-то особое предназначение России, какую-то особую миссию, которая бы ей предназначалась. Наоборот всячески приветствовалось её появление, как равного среди равных, в европейском обществе и всячески подчёркивалось (правда подчас с некоторой иронией), что отныне она – полноправный участник всех исторических процессов, от которых зависят судьбы мира. Авторитет Петра I был высок – его признавали едва ли не самым выдающимся европейским монархом нового времени. Несмотря на скептицизм таких европейских умов как, например, Руссо, многие в своих представлениях о России шли в основном за Вольтером и видели в России молодую, но все же европейскую страну. В посленаполеоновской Европе ситуация меняется. На фоне политической активности набирающей мощь Российской империи и нарастающей критики гибнущей (как считали задолго до Шпенглера) европейской цивилизации, Россия также оказалась в центре историко-философских прогнозов и пророчеств. Собственно именно Запад ещё в начале 19 века начал порождать первые концепции особого пути восточного соседа, столь рьяно рвущегося в Европу. Внимательно прислушиваясь к разногласиям мнений о себе, русские интеллектуалы сразу же и сами включились в этот процесс. «Большой и безверной» по определению славянофилов Европе был противопоставлен славянский православный мир России во главе.

В дальнейшем идеологическом политическом противостоянии обе стороны не уступали друг другу. Двадцатый век с его новыми политическими идеями и амбициями только усугубил это противостояние. Двадцать первое столетие перемен к лучшему тоже пока, похоже, не сулит, а скорее возвращает нас в век 19 с его постулатами о русской угрозе, провоцируемыми самой Россией, и пророчествами в духе Николая Данилевского о том, что никакая конституция, ни парламент в России «никакой иной опоры, кроме той же царской воли, которую они должны ограничивать, не будут и не могут иметь» и возможны здесь «только как

мистификации, как комедия». И всё же я надеюсь, что подход, согласно которому русская культура является частью единой европейской культуры, обладая при этом определённым своеобразием, возобладает. Повернёмся к нашей теме.

В рассуждениях и спорах о противостоянии германо-романского и славянского миров нередко забывают о таком явлении как взаимодействие и взаимопроникновение культуры отех «контактных зонах» (или перифериях), на которых это происходит прежде всего. В данном случае контактной зоной мы называем географическое пограничье, где сталкиваются-соприкасаются разные культуры.

Понятие границы в культуре многозначно — это и область наиболее интенсивного общения культур и одновременно стена разобщённости, область активного (ожесточённого) неприятия «другого» (Д.С. Лихачёв). В зависимости от того, что перевешивает — открытость другим культурам или охрана себя от них, эта пограничная периферия может играть роль как проводника, передатчика новых импульсов, способствующих взаимопроникновению культур и их развитию, так и буфера, заградительного кордона, зоной разобщения, еще более разделяющей и консервирующей культуры.

К тому же контактные зоны могут обладать и собственной спецификой, как мы это наблюдаем в случае с Финляндско-карельской периферией. Финно-угорский мир, оказавшийся некоей буферной зоной между Западом и Востоком, в результате многовекового шведско-русского противостояния сам оказался культурно расколотым и разобщённым, продолжая сохранять при этом свою вполне узнаваемую идентичность.

Напомним, что Карелия, расположенная по обе стороны финляндско-русской границы, относится к многочисленным в Европе приграничным регионам, которые часто становились яблоком межгосударственного раздора. Подданными двух государств карелы оказались впервые официально в 1323 году, когда Швеция и Нов-

город произвели раздел их земель. С тех пор, на протяжении многих веков, государственная граница разделяла финляндскую и русскую Карелию, а местоположение самой границы менялось в общей сложности 9 раз.

Граница эта в её многочисленных проявлениях и значениях оставалась важным, если не ключевым элементом в конструировании региона и региональной идентичности. В случае с Финляндией отношения с восточным соседом неизменно выступали в роли конструирующего фактора её европейскости и «финскости». Для Восточной Карелии эта конфронтация была фактором, повышавшим её значимость как форпоста границах российского государства (сначала как форпоста православия, а в 20 в. как форпоста социалистического мира). Даже в период с 1809 по 1917 годов, когда Финляндия входила в состав Российской империи и, следовательно, вся Карелия находилась внутри имперских границ, граница между Великим княжеством и российской Карелией все же существовала — и административная, и культурная, и психологическая.

Вместе с тем здесь вполне очевидны и процессы взаимопроникновения и взаимообогащения культур. Частью православного мира оказалась не только Восточная, но и Западная Карелия. Для Восточной, русской Карелии вполне характерны такие принципы европейской культуры как восприимчивость к чужим культурам и свобода творческого самовыражения личности. Наиболее известным историческим феноменом единого культурного пространства в 19 веке стала «Калевала». Неоспоримо «присутствие» русской Карелии и в процессе формирования финского национального идентитета, проявившееся, в частности, в таком культурно-идеологическом явлении, как карелианизм.

Не вдаваясь в глубокие исторические подробности, я бы выделила четыре основных этапа в этом культурном трансграничном диалоге, который шёл по горизонтальной линии Периферия — Периферия, часто развивался не благодаря, а вопреки

политике центральных властей обоих государств сыграл свою роль в осуществлении культурного диалога России с западным миром.

Этап 1. Становление диалога – это практически весь 18 век, последнее столетие многовековой борьбы Швеции и России за приграничные территории.

В результате Великой Северной войны, а затем «войны шляп» расширяется российско-европейская контактная зона. Появление на северо-западных рубежах империи Петербурга и Выборгской губернии, помимо собственно политической составляющей, стимулировало быстрое развитие крупных торгово-экономических и культурных зон, через которые могли вести диалог Россия и Европа.

Век просвещения рождает и новый вид культурных контактов – научные связи между российскими и европейскими учёными. Финляндско-карельская периферия постепенно обретает собственное лицо и включается в процесс культурного диалога между Западом и Востоком. Это мы видим и на примере контактов учёных Туркуского университета и Санкт-Петербургской Академии наук, и на примере Аньяльской конфедерации.

Этап 2. Развитие – 19 век, когда северо-западные окраины Российской империи (Великое княжество Финляндское и Восточная Карелия) во многом играют уже роль широкого моста, по которому идёт обмен (иногда не бесконфликтный) ценностями, присущими западноевропейской и российской культурам.

Помимо феномена Петербурга, массовых приграничных миграций, важной формой трансграничного взаимодействия в регионе становится карельское коробейничество, которое также формировало питательную среду для взаимного обогащения культур во всех ее проявлениях – язык, обычаи, культурные практики. Общение облегчалось языковой близостью финно-угорского населения региона, однако речь идёт именно о российско-европейском культурном диалоге. В быходе карельских коробейников в Финляндии отождествляли

не столько с Карелией, сколько с Россией (*laukkuryssä*). Понятно, что неблагоприятный фон многочисленных русско-шведских войн накладывал свой отпечаток на формирование взаимных представлений и стереотипов. Однако не стоит здесь искать чего-то большего, чем просто противоречивый образ Соседа как Другого / Чужого. Достаточно вспомнить, что и карелы зачастую оговдаствляли финнов со шведами (*Ruonit*), а чертополох называли *Ruonihieind*. Широкому культурному диалогу это не мешало.

В конце 19 в. как известно Финляндия становится для российских либералов и проводником западной политической культуры.

Этап 3 – почти весь 20 век. Здесь можно выделить несколько отдельных периодов, которые играли порой диаметрально противоположные роли и сами по себе были достаточно противоречивы.

В начале столетия регион вновь превращается в арену ожесточённого противостояния различных сил, в результате чего появляется новая граница между самостоятельной Финляндией и Советской Россией. К началу 1930-х гг. эта граница перестаёт быть прозрачной, окончательно закрывается, возводя непроницаемую стену между новыми мирами. Но в то же время Социалистическую Карелию строят представители европейской культуры и этот финский фактор ещё очень долго будет проследиваться в российской Карелии.

В послевоенном мире Финляндия во многом становится «окном в Европу» для советского чело века (туризм, семейные контакты, региональные обмены), что обуславливалось спецификой советско-финляндских отношений после 1948 года.

Этап 4. Постсоветская Россия и Европа: роли Финляндии и Карелии в межкультурной коммуникации вновь несколько меняются.

Финляндия, с одной стороны, это ворота в Европу, в том числе и для тысяч эмигрантов из РФ. С другой – европейская провинция, уходящая снова на периферию культурного диалога России с Европой. Карелия

же с утратой значительной части финно-угорского населения всё больше обретает облик обычной русской провинции, теряя тот европейский культурный флёр, который был свойственен ей до 1980-х гг.

Сегодня Финляндия и Карелия продолжают если не расширять, то поддерживать горизонтальное взаимодействие, однако обе вновь обретают статус культурных периферий, мало влияющих на диалог России и Европы. Хотя не исключено, что события последнего времени вновь могут вернуть нас к временам Холодной войны и соответственно возрасти роли финляндско-карельского порубежья во взаимоотношениях России с миром. Возможны и более мрачные варианты. Но представляется, что сформировавшийся региональный идентитет, впитавший в себя специфику западной и восточной европейских культур, разрушить будет сложно.

Литература:

Багно В. К истории идей на Западе: «Русская идея» (Электронный ресурс). URL: <http://www.utoronto.ca/tsq/12/bagno12.shtml>

Данилевский Н. Я. Горепобедителям. М., 1998.

Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб., 2006.

Соломещ И. Торговля и культура // De Urbe Uloa 2008. Oulu, 2009. S. 34-36.

Лийса Бюклинг

*Доктор философии, исследователь,
Институт мировых культур,
Хельсинкский университет*

Беседы профессора Якова Грота с финскими писателями и учеными

Заслуги Якова Карловича Грота (1812 – 1893) как посредника в русско-финских литературных связях общепризнаны. Он вводил скандинавскую и финскую литературу в российскую культуру. Грот опубликовал переводы и статьи о северных литературах, преданиях и обычаях в «Современнике». В 1840–1852 гг. Грот был первым ординарным профессором русского языка, словесности и истории в Александровском университете в Гельсингфорсе.

Помимо университетской работы Грот вложил в светскую жизнь – насколько ему позволяло время. Кроме родных русского и немецкого языков Грот владел шведским, английским и французским языками, прекрасно знал мировую литературу, интересовался театром и музыкой. У него было много знакомых в среде высших чиновников и аристократии, а также профессоров, журналистов, писателей, офицеров русской армии и русского купечества. В октябре 1841 г. Грот писал П. А. Плетневу, литературному редактору «Современника»: «не могу пожаловаться на недостаток общества».

По делам службы Грот был связан с высшим чиновничеством. Он приходил домой к вице-канцлеру университета А. Армфельту для доклада. Грот принимал участие на балах и ужинах в знатных домах старых аристократов, проводивших молодые годы в Петербурге: он был приглашен в гости, например, в роскошном доме прокуратора сената К. Й. Валлеена и его побочных дочерей, Авроры Демидовой (во втором замужестве Карамзина) и Эмилии Мусиной-Пушкиной и ее мужа.

В начале 1840-х гг. финляндско-русские отношения переживали период расцвета. Грот участвовал в 200-летнем юбилее Александровского университета (быв. Абоской Академии), на которое были приглашены русские, скандинавские и финские ученые и писатели. Профессор Матти Клиинге пишет, что праздник доказал значение университета как центра науки и образования, и «благодаря Гроту и его наставникам юбилей стал в значительной мере праздником финско-русских культурных контактов». Идея издания совместного литературного альманаха возникла во время встречи русских и финляндских литераторов. «Альманах в память двухсотлетнего юбилея Императорского Александровского университета» вышел под редакцией Грота (параллельное издание на русском и шведском языках, 1842). Альманах, несмотря на сотрудничество в нем с русской стороны Одоевского, Соллогуба, Плетнева и Грота, и со шведской – поэта Францена, с финской

– Рунеберга, Леннрота и других, оказался малоинтересным столичному учителю. В. Белинский похвалил лишь статью «Воспоминание Александровского университета», сочиненную Гротом.

Яков Грот и Й. Л. Рунеберг

Дружба и литературные интересы связывали Грота и известного финского поэта Йохана Людвиг Рунеберга (1804–1877) в течение тринадцати лет. Они обменивались литературными новостями и материалами. Рунеберг был доцентом латинской литературы в университете, затем учителем древних языков в гимназии в г. Борго (Порвоо). Он занимал одно из первых мест в шведской литературе, к которой он принадлежит только по языку, но по содержанию же и духу своей поэзии он – национальный поэт Финляндии.

Сотрудничество поэта и ученого началось сразу: обстоятельные сведения о «Калевале» и самом Леннроте сообщил Гроту Рунеберг в письме от 21 апреля 1839 г., которое было использовано Гротом в его статье «О финнах и их народной поэзии». В 1839–1852 гг. Грот приезжал в гости к Рунебергу в Борго и на дачу; они встречались регулярно, иногда несколько раз в году. В письмах к Плетневу Грот приводит интересные мнения поэта о литературе, философии и жизни. Узнав о беседах Грота с Рунебергом в мае 1848 г., Плетнев писал: «Этот человек прямо гениальный. Таков был Пушкин». Со своей стороны, Рунеберг расспрашивал Грота о русской литературе. Рунеберг не владел русским языком, и Грот подарил ему двухтомник стихов Пушкина на немецком языке. Профессор Эйно Карху считает, что Гроту удалось в какой-то мере заинтересовать Рунеберга творчеством Пушкина.

Некоторые из лирических стихотворений Рунеберга были переведены стихами на русский язык Гротом. Он считал главным свойством поэзии Рунеберга «верность природе». Рунеберг был дорог Гроту именно как поэт, сторонящийся «злобы дня», близ-

кий по духу «Современнику». Вслед за первой главой в 1840–41 гг. появились переводы из произведений поэта: очерк «О природе финляндской, нравах и образе жизни народа во внутренности края», стихотворение «Вечер на Рождество», две поэмы – «Охотники на лосей» и «Надежда».

Некоторое сходство можно уловить между повестью Пушкина «Капитанская дочка» илирико-эпическим произведением «Надежда» Runeberga. Сюжет заимствован из русской жизни, действующими лицами выступают крепостная девушка Надежда, влюбленные в нее братья-князя, а также Екатерина Пи Потемкин, лишенные, впрочем, всякого исторического правдоподобия. Русский перевод Грота, местами стихотворный, вышел в «Современнике» (1841). Поскольку в «Надежде» встречались выражения о крепостном праве, то в русский перевод ее вмешалась цензура Петербурга.

Грот следил за творческой работой своего друга. В 1845–48 гг. Runeberg написал первую часть своей поэмы «Рассказы прапорщика Столя» (1848; 2-я часть, 1860) на темы Шведско-русской войны 1808–1809 гг. Это произведение воспевае доблесть шведских воинов, финского народа и его вождей. Вполне вероятно, что Грот рассказывал Runebergу о том, как война изображалась в русской поэзии – в стихах Константина Батюшкова и воспоминаниях Дениса Давыдова о генерале Я. П. Кульневе, героя русско-шведской войны и войны 1812 г. против Наполеона. Runeberg имел и личные воспоминания о герое: ребенком он познакомился с Кульневым в родном доме в Якобстаде.

«Рассказы прапорщика Столя» вышли к Рождеству 1848 г. Грот сообщил Плетневу: «Чудная поэзия! Ничего подобного нет ни у какого-то другого поэта, ни у самого Runeberga. По патриотическому направлению некоторых из этих пьес они были бы неуместны, если бы поэт не подчинял и самого этого чувства еще более возвышенному – любви к человечеству, которая не знает наций и у него чудесным образом примиряет враждующих». Грот упоминал, в частности, стихотворение, где «очень

удачно охарактеризован» Кульнев, «этот удалец». Безусловно, Грот замечал и то, о чем Клинге пишет так: «общий тон книги был консервативно-патриотическим, и она имела существенное значение для формирования национального идентитета». Но это не помешало Гроту немедленно приступить к переводу «Кульнева» и к очеркам о войне.

«Очерки из финляндских походов в 1808 и 1809 гг.» Грота были опубликованы в 1849 г. («Санкт-петербургские ведомости»). Рассказы о сражениях и подвигах русских войск Грот основал на трудах известных русских и шведских историков. Отдавая должное храбрости шведских генералов, Грот пересказал содержание стихотворений Runeberga «Сандельс» и «Дебельн».

В первом очерке был опубликован прекрасный перевод Грота стихотворения Runeberga «Кульнев». Еще до чтения перевода Плетнев писал Гроту: «И в твоём „Кульневе“ должен для нас воскреснуть Кульнев Runeberga, как в его Кульневе воскрес тот дивный воин, которого так долго хранит в Финляндии память народа». Runeberg превращал «любимого врага» финнов, Кульнева, в народного героя Финляндии; таким он предстал и в переводе Грота. Третий очерк Грота вышел в «Современнике» в 1855 г. Грот утверждал тезис о правомерности присоединения Финляндии к Российской империи. В течение десятилетия Грот сделал очень много для знакомства русских читателей с творчеством Runeberga.

Финские ученые – знакомые Грота: М. Кастрен и Э. Леннрот

У Грота завязалось знакомство едва ли не со всеми деятелями финской культуры, он дорожил этими связями и со многими из финнов переписывался до конца своей жизни. С 1840 г. Грот состоял членом Финского литературного общества. Как отмечает Карху, финны ценили в Гроте также специалиста по русской культуре и потому так часто обращались к нему за всякого

рода справками, за практической помощью, не отказывая при случае и в обратных услугах.

Грот содействовал тому, что языковеду Матиасу Кастрену были выделены средства на поездку в Сибирь для сравнительного анализа финно-угорских языков. Кастрен был назначен первым профессором финского языка в 1850 г. Он подорвал свое здоровье во время трудных поездок в Сибирь и умер в 1852 г. Некролог о нем Грота вышел в «Санкт-петербургских ведомостях», где Грот, между прочим, отметил, что именно «Кастрену был обязан первоначальными своими познаниями в финском языке».

Большое значение для русско-финских литературных связей имела дружба Грота с Элиасом Леннротом (1802–1884). Собранные руны карело-финского эпоса «Калевала» Леннрот объединил и издал первоначально в 1835 г. и окончательно – в 1849 году. Переводы статьи Грота впервые ввели в русский литературный обиход «Калевалу» («Современник» 1840).

О знакомстве с Леннротом Грот писал Плетневу в июне 1840 г. из Гельсингфорса: «Ласково встреченный им, я увидел в нем человека средних лет, согнутыми глазами, с добродушной улыбкой, с лицом, почти багровым от загара, с приемами неловкими, вовсе не светскими (...) его обращение и речь так безыскусственные и просты, что я тут же полюбил его от сердца. Он сам, кажется, не подозревает в себе никакого достоинства, и всякого считает ниже себя».

Грот и Леннрот встречались неоднократно в г. Каяни, где Леннрот жил с родителями, они обменивались знаниями о финском и русском языках. Летом 1846 года Грот пригласил Леннрота в путешествие по Восточной и Северной Финляндии; затем Грот жил у него в Каяни десять дней, занимаясь путевыми записками. Работой «страноведческого» характера является книга «Перезезды по Финляндии от Ладожского озера до реки Торнео. Путевые записки Якова Грота» (Санкт-Петербург 1847; финский перевод 1983.) После путешествия по Финляндии Грот с удовлетво-

рением писал о том, что он говорил по-фински. И не только говорил, но и хорошо писал: в ответ на письмо Грота на финском языке Леннрот хвалил его: «Ты пишешь лучше, чем многие из наших здешних, привыкших к финскому языку с детства». Грот с удовольствием вспоминал «поэтическую поездку» с Леннротом. Для Грота Леннрот стал эталоном трудолюбия настоящего ученого. Итогом многолетнего труда Леннрота является «Финско-шведский словарь» (1880, 200 тысяч слов). Мнение Грота о колоссальной работе Леннрота, в частности, и о филологии, в общем, нужно читать в контексте его собственных трудов. «Шведско-русский словарь» вышел «под наблюдением и при решающем участии Грота» (ч. 1-2, Гельсингфорс 1846–47). В 1848 г. Грот издал три учебника по русскому языку и литературе. Грот писал Плетневу: «Тут я понимаю, как Леннрот может годы проводить над лексиконом и как вообще филологи находят полное удовлетворение в своей деятельности: они побольшей части всегда люди спокойные, счастливые светлым расположением духа, общительные и добрые».

По личному знакомству с финнами Плетнев считал Леннрота «явлением чисто небывалым»; он «стоит выше» другой финской знаменитости, поэта Рунеберга, любившего «пиры за полночь» (в которых Грот участвовал в доме поэта). Грот возражал Плетневу: «Рунеберг и Леннрот – люди совершенно различного калибра: их сравнивать трудно, – один поэт, другой – труженник. Как человек, Леннрот выше Рунеберга, но Рунеберг выше, как талант». Уехав из Гельсингфорса в 1853 г., Грот переписался с Леннротом до 1882 г.

Финляндский период Грота

Как инспектор-экзаменатор Грот ежегодно путешествовал по Финляндии. Он принимал экзамены и составлял отчеты о состоянии обучения русскому языку. В поездках Грот изучал страну и города, узнавал литературные и общественные новости. Он

имел обширный круг знакомых по всей Финляндии, его принимали в пасторатах и имениях как дорогого гостя. Одновременно в Гельсингфорсе Грогу открывались новые перспективы в Скандинавии и новые научные темы. Например, в 1847 г. он посетил Швецию и Упсальский университет и завязал отношения с тамошними учеными и литераторами.

В Гельсингфорсе произошли важные события в семейной жизни Грота. В феврале 1850 г. он привез сюда свою молодую жену Наталью Семенову из Петербурга. Их сын Николай родился здесь 18 апреля 1852 г. В том же году (24 августа) мать Грота умерла, она похоронена на Лютеранском кладбище Гельсингфорса. Там же похоронена и сестра Грота Роза (ум. 1872 г.). После смерти матери Грот принял решение оставить пост профессора в университете. Грот с семьей уехал из Гельсингфорса в январе 1853 г.

Годы, проведенные в Финляндии, сформировали Грота как преподавателя, исследователя и человека, дали ему множество знаний по литературе, русской истории и языкознанию. Впоследствии он с благодарностью вспоминал свою академическую работу в Финляндии и говорил, что она «дала ему толчок», от которого проснулось все, что спало в его душе». В Гельсингфорсе Грот формировался как ученый и организатор науки. И после отъезда из Финляндии он продолжал следить за ее культурной жизнью и в меру своих сил поддерживал русско-финляндские литературные связи. Время от времени Грот выступал со статьями по Финляндии, переписывался с деятелями финляндской культуры.

В 1853–1862 гг. Грот работал как профессор в Царскосельском Александровском лицее; он был домашним учителем в царской семье. В 1858 году он был утвержден академиком Российской Императорской академии наук, с 1862 г. посвятил себя научной работе. Имя Грота тесно связано с изучением целого ряда писателей и деятелей XVII–XIX веков: Ломоносова, Державина (изд. его сочинений в 9 томах, с обширнейшей биографией, 1864–83), Карамзина, Пушкина, Крылова, Плетнева, Екатерины

II. В 1885 г. вышел свет «Русское правописание» (20-е изд. Санкт-Петербург, 1912). С 1891 г. под главной редакцией Грота выходил «Словарь русского языка». В ряду многочисленных и всегда ценных работ Грота наиболее видное место занимает монументальное издание сочинений Державина и «Русское правописание».

Яков Грот скончался 24 мая (5 июня) 1893 года в Петербурге. На докладе о кончине Я. К. Грота император Александр Третий написал: «Меня эта смерть весьма огорчила. Я знал Якова Карловича более 25 лет и привык любить и уважать эту достойную личность».

Литература:

Бюклинг Лийса. Яков Грот в Финляндии 1840–1852: профессор Гельсингфорского университета, посредник в литературных связях. *Философский век. Альманах. Выпуск 38.*

Соединяя времена и народы. Яков Грот: к двухсотлетию со дня рождения. Ред. Татьяна Артемьева, Михаил Микешин. С. Петербург 2012. www.ideashist.org.ru/a38.html

Карху Эино. *Финляндская литература и Россия 1800–1850.* Таллин: Эстонское государственное издательство, 1962.

Карху Э. Г. Переписка Элиаса Леннрота с Яковом Гротом. *Общественная культура и народы. Исследования и материалы по истории финско-карельско-русских культурных связей XIX–XX веков.* Петрозаводск: Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН 2003.

Труды Якова Карловича Грота. I, Из скандинавского и финского мира: 1839–1881: очерки и переводы. Издана под ред. проф. К. Я. Грота. С.-Петербург: Типография Министерства путей сообщения, 1898.

Шарышкин Д. М. *Скандинавская литература в России.* Ленинград: Наука 1980.

Byckling, Liisa. Jakov Grot och J. L. Runeberg. *Vänskap, översättningar och litterära kontakter mellan Finland och Ryssland 1838–1842.*

Historiska och litteraturhistoriska studier, 88 (2013), s. 81–116. (Яков Грот и И. Л. Рунеберг. Дружба, переводы и финско-русские литературные контакты 1838–1842 гг. Статья на шведском языке.)

Kiparsky V. *Suomi Venäjän kirjallisuudessa.* Helsinki: Oy Suomen kirjja, 1945. (Финляндия в русской литературе.)

Ирина Петрова

Директор МАОУ «Лицей № 8»

Екатерина Петрова

Руководитель *European club* МАОУ
«Лицей 8»

г. Пермь, Россия

Возможности развивающей среды лицея. Проекты как диалог культур

Мир, в котором мы живем, многокультурен и многонационален. Очень важно для молодых людей, вступающих в жизнь, уметь адаптироваться к этому миру и мировому поликультурному пространству. Для этого необходимо знать о особенностях этих культур, особенно когда активно развивается туризм. К сожалению, популярностью среди молодежи пользуется пляжный и шопинговый туризм. Это то, чему их научили родители, традиции, которые родители передают своим детям. Мир же – это не только пляжи и шопинг. Он намного ярче, богаче культурно и интереснее.

Наш город находится на границе Европы и Азии, на западном склоне Уральских гор. Город с миллионным населением – многонационален, в нем живут носители различных культур. Поэтому вопрос диалога культур для нашего учреждения актуален.

С 90-х годов XX столетия город стал открытым, начали активно развиваться партнерские отношения с городами Европы и Азии, представители европейских культур стали гостями нашего города. Это изменило жизнь города, появились интересные межкультурные проекты, получил популярность фестиваль «Белые ночи в

Перми», в котором принимают участие творческие коллективы как Пермского края, так и стран Европы и Азии, «Дягелевские сезоны», конкурс балетного искусства «Арабеск», молодежные культурные проекты, фестиваль «Кам ва», «Парижевск – Пермь» и другие.

Как люди, занимающиеся преподаванием иностранных языков, считаем, что обучение иностранному языку должно строиться на основе становления: через реалии стран изучаемого языка, традиции, культуру, общение с носителями иностранных языков, которые сами являются носителями этой культуры, что расширяет представление ребенка о мире, учит его культурной толерантности, помогает самоидентификации. Но Европа – не только англо- и немецкоговорящие страны. Европа – это многоязычное пространство и сообщество, где эти 2 языка хорошо знают как иностранные языки. Следовательно, мы можем использовать эти языки как средство общения с представителями других стран и культур, которые приезжают в наш город, на встречах, которые мы организуем для учащихся лицея.

Наш лицей – это коллектив детей, представляющих семьи, которые являются носителями разных национальных культур. Чтобы дать учащимся возможность для развития, мы создаем насыщенную развивающую среду, построенную по принципу культурного разнообразия.

Являясь общественно-активной школой, мы реализуем модель организации деятельности учреждения «Лицей без границ». Она предполагает создание открытого развивающего пространства. Учебные ситуации могут выходить за рамки учебных классов и предполагают взаимодействие с внешней средой: ближним и дальним социумом и зарубежьем. Для этого мы используем возможности учебной и внеучебной деятельности. В лицее активно развиваются следующие направления: *European club*, проектная деятельность, образовательный туризм, взаимодействие с городами-побратими Перми (Луисвилль, Оксфорд, Дуйсбург, Амневиль, Циндао, Агридженто),

проект «Школьные дипломатические миссии». Благодаря этому у нас сложились интересные партнерские отношения с представителями различных культур, сфер деятельности: образование, культура, туризм, городское управление, общественная и волонтерская деятельность. В гостях лицезистов бывают представители общественных организаций, депутаты городов-побратимов, художники, артисты, учащиеся европейских образовательных учреждений.

Для того, чтобы вести диалог, необходимо уметь себя идентифицировать и представлять другим. Начали мы с познания себя – своей малой родины: района, в котором живем, и города, который в 2013 году отметил свое 290-летие. Так возникли 2 проекта «Мой район – Индустриальный!» и «Мой город – Пермь!». Результатом этих проектов стали 2 буклета, изданные тиражом 1000 и 2000 экземпляров. К буклетам разработаны раскраски для детей и видео экскурсии, которые проводят учащиеся лицея как для детей, так и для взрослых и иностранных гостей лицея. С помощью этих буклетов, вручая их в качестве подарка, мы рассказываем иностранным гостям о городе.

С представителями городов-побратимов были реализованы совместные проекты «Story cards», «Истории лежат на улицах», «Индустрия перевода», «Перевод книги Дж. Кроуфорда „Последний русский царь“» с английского языка на русский и создание аудио книги, текст которой озвучивали учащиеся общественно-активных школ города.

В рамках международного проекта «Школьные дипломатические миссии» установлено взаимодействие с лицеем г. Варшавы, состоялись обменные программы для учащихся 2 лицеев «Я открываю Пермь» и «Я открываю Варшаву».

Благодаря направлению «Образовательный туризм» учащиеся лицея познакомились с культурой стран Скандинавии, Прибалтики, Германии, посещая города, которые были объявлены как культурные столицы Европы, посетили финскую школу, а ее представитель побывал в нашем лицее.

В настоящее время организована работа по введению билингвального обучения для учащихся лицея. Учащимся предоставляется возможность изучения 2-го иностранного (европейского) языка как курса по выбору. Это испанский и финский языки.

Есть еще одно уникальное явление, которое помогает созданию условий для диалога культур в лицее, – это межгосударственные инициативы перекрестных годов России и стран Европы, например, перекрестный 2013 год России в Германии и Германии в России, 2012 – Год Голландии в России и России в Голландии. 2014 год объявлен годом Великобритании в России и России в Великобритании. Все это создает очень хорошие возможности для организации работы по реальному диалогу культур, созданию развивающей среды в лицее.

Майре Пююкко

Художник, Лаптеенранта

Как выжить художнику в иной культурной среде

*История отдельно взятой семьи
художников. Из опыта Финляндии*

Наша семья переехала в Финляндию в 1991 году. В нашей семье художники все: муж, Аркадий Анищик, сын, Денис Анищик и его жена, дочь, София Пююкко, и я, Майре Пююкко. Всё это время я наблюдала за процессами, происходящими в себе и в кругу семьи, мысленно фиксировала, как менялись настроения и характер отношений. Если говорить о психологических стадиях в семье и во мне самой, то могу сказать, что были невыносимо сложные, очень сложные и просто сложные периоды в жизни.

Мне стало интересно, как изучается процесс психологической адаптации мигрантов в мировых научных кругах. Немогут утверждать, что сумела найти все материалы на эту тему, но всё, что нашла в Интернете и что было в свободном доступе, я изучила. Оказалось, что выводы делаются скорее описательные, чем конструктивные. Хотя понимание сути процессов и осознание, что эти процессы типичны для всех мигрантов, тоже очень полезно.

Наука, изучающая мигрантов, кросс-культурная психология (*cross-cultural psychology*), занимается и изучением закономерностей развития и функционирования психики в контексте обусловленности её формирования социальными, культурными и экологическими факторами. Поэтому коротко о том, что думают психологи мигрантах.

Мы сейчас живем в обществе, где единственной стабильной характеристикой является нестабильность. Прямым следствием нестабильности является феномен массовых миграций людей. В литературе, посвященной проблемам миграции, существует идея о различных группах мигрантов из одной культуры в другую.

Одна группа – это стабильные, экономически заинтересованные люди, которые едут на новое место вследствие причин, связанных с работой.

Вторая группа – это нестабильные, имеющие потенциальные проблемы и переселяющиеся скорее в призрачной надежде, некоторые гонимы беда.

Общим положением является мнение о том, что контакт с иной культурой вызывает нарушение психического здоровья, психическое потрясение, для обозначения чего существует термин «культурный шок».

Согласно теории аккультурации, разработанной Джоном Берри, автором книги «Кросс-культурная адаптация», процесс психологической адаптации связан с двумя основными проблемами: поддержание культуры и участие в межкультурных контактах.

Наша семья вынуждена была покинуть неблагополучный район Белоруссии, пострадавший от Чернобыльской катастрофы, и переехать сначала в бывший Ленинград, а затем мы оказались в Финляндии. Что-либо планировать было почти бесполезно, так как нашей жизнью руководили неожиданные стечения обстоятельств, и противостоять им мы не могли.

Мы попадали под категорию нестабильных беженцев без чёткого понимания, как мы будем жить и работать в новой стране. Как ни странно, но мысль об эмиграции внушили нам в финском консульстве на основании того, что половина нашей семьи были по паспорту финны.

Мы с мужем имели к этому времени хорошее образование, являлись членами Союза Художников СССР, а также имели огромный опыт работы на одном из старейших стекольных заводов Европы в качестве художников-проектировщиков худо-

жественного и бытового стекла. Имели награды и победы за участие во всесоюзных и республиканских конкурсах. Наши работы были и есть в коллекциях крупнейших художественных музеев СССР, России, Белоруссии, Литвы и экспонировались на государственных выставках СССР и за рубежом. Нам казалось, что этого достаточно, чтобы получить работу по специальности. Мы имели все основания думать, что наши успехи в профессиональной деятельности будут оценены по достоинству. Сначала мы учили язык и привыкали к новой жизни. Через год мы обнаружили, что надежды на работу по специальности, то-есть место дизайнеров на стекловом заводе Ииттала, мы можем забыть.

Значимость роли художника в обществе трудно переоценить. Если вы огиаетесь вокруг и зададите себе вопрос: есть ли что-то среди окружающих предметов такое, в котором не участвовал бы художник, то после недолгих размышлений придётся признать, что таких предметов не найдёте.

Наши амбиции в жизни во многом соотносены и определяют поставленную Высшую цель, а также жизненные приоритеты. Сверхзадача художника – формирование культурного и духовного пространства социальной среды.

Можно предположить, что художник при невозможности завязывать и поддерживать профессиональные контакты, очень быстро впадает в депрессию, испытывает острое неудовлетворение, потребность критиковать окружающую действительность и систему в целом. Незнание языка, кодов поведения и системы ценностей, присущих титульной нации, усугубляют положение, и вот мы уже имеем деморализованного рефлексирующего человека со склонностью обвинять в сех вокруг, а также подозревающих в предвзятом отношении к его работам и к нему лично. Начинается разрушение личности по всем осям координат.

Для художника это выражается в том, что он перестаёт доверять себе, начинает искать способы быть одобренным, снижая уровень своих сверхзадач. И если результаты профессиональной деятельности неудовле-

творяют его, он старается снизить степень значимости контактов и замыкает ся себе. Уровень интересов сужается и мельчает.

В этом состоянии очень легко наделать непоправимых ошибок. В семейных отношениях начинает назревать конфликт между поколениями. Младшие члены семьи, дети, в это время активно адаптируются к присущей непосредственности, изучают и принимают ценности и приоритеты, преобладающие в их окружении.

В этот нелёгкий период, когда наша самооценка подверглась серьёзному пересмотру, а беспокойство за судьбу детей стало рождать сомнения в правильности выбора, мы приняли очень правильное, я думаю, решение не поддаваться соблазну критиковать и злиться на неустербованность, а принять всё как данность, как послушание, и действовать в тех пределах и параметрах, которые нам доступны. Поколебавшись, мы приняли предложение одного из народных училищ и стали преподавать в зрелым и детям основы изобразительной грамоты.

Мы взяли ся за работу. Начало было нелёгким, но мы старались делать своё дело настолько хорошо, насколько это возможно и не жаловались. Если честно, ты мы «бархатались» в вышеперечисленных проблемах и прошли все круги психологического ада. Эйфория первых трёх лет прошла, и мы начали понимать степень предстоящих трудностей.

И тут в процессе своих сознанных поисков методики обучения и изобразительной грамоте я нащупала очень своеобразный способ преподавания. Не имея достаточного запаса финских слов и выражений, я вставляла замольберт и показывала приёмы, а для того, чтобы мои мастер-классы не затягивались, я научилась сокращать их за счёт строго продуманных действий. Готовясь к предстоящему уроку, я планировала каждый свой шаг, слово, действие и, наконец, мазок, штрих. Так я вышла на уникальную систему преподавания, которую назвала методом алгоритма. В моём случае оправдалась полностью пословица: не было бы счастья, да несчастье помогло.

Сначала я просто радовалась, что люди

меня понимают и быстро обучаются. А потом вдруг влюбилась в эту методику и поняла, что это необыкновенно интересное занятие – придумывать новые и новые упражнения- алгоритмы и радоваться успехам вместе с учениками, которые вполне оценили это и всячески выражали одобрение.

Через некоторое время к проекту подключились сын и муж. Муж развернул обучение витражной технике подобным же методом, который позволил существенно снизить возраст учеников, и мог учить витражной технике детей начиная с 10 лет, а также привлечь к обучению детей с психологическими нарушениями.

Сын, художник и музыкант, программист и веб-дизайнер, помог выстроить виртуальную художественную школу и наполнить её великолепно оформленными материалами. Метод алгоритма позволял перенести обучение акварельной живописи и рисунку в дистанционный режим обучения и разместить обучающие материалы в Интернете.

Сейчас, по истечении более чем 20 лет экспериментов и работы над упражнениями-алгоритмами, я могу сказать с полной уверенностью, что по этой системе может обучиться основам изобразительной грамоты абсолютно каждый человек, так же, как он выучивается читать и писать.

Нам пришлось сменить свою любимую деятельность дизайнеров стекла на преподавание. Мы участвовали более чем в десяти государственных проектах и в рамках этих проектов объездили с лекциями и мастер-классами десятки учебных заведений разного уровня – от начальных классов до высших художественных.

Мы не теряем связей с Россией. Муж является членом Союза Художников России, ежегодно по несколько раз в год, участвует в выставках художников Санкт-Петербурга. А вместе мы участвуем в выставках художников стекла России, Эстонии, Финляндии в музее стекла Риихимяки и в других местах. Преподаём с удовольствием, и не только в Финляндии. Проводим семинары и вебинары по обучению нашему методу алгоритма для преподавателей Новгородской художественной школы. Я вступила в

союз писателей Южно-Карельского региона «Палта» и являюсь членом правления этой организации. Печатаю свои рассказы в журнале *LiteratuS*. Наши дети живут своей обособленной жизнью, оба художники. В сотрудничестве с доктором наук обществоведения специалистом по психологии совсем недавно мы начали новый международный проект. Наша цель – установить путём тестовых курсов, как успешное обучение акварельной живописи действует на психику и физиологию человека.

Подводя итоги выше сказанного, можно сделать вывод, что действительно переезд в чужую культуру с целью участвовать в создании культурных ценностей новой среды обитания связан с риском потерять ориентиры. Необходимо иметь терпение и толерантно относиться ко всем непривычным культурным ценностям, изучать их и искать свою нишу, не навязывая свои критерии, а встраивая их в общую канву. Нам кажется, что именно интеграция, а не ассимиляция, должны стать целью мигрантов – деятелей культуры. Вынужденный период маргинального положения можно использовать для изучения языка, окружающей среды, кодов поведения. Финский народ в своей массе невраждебен и терпим к переселенцам. Надо научиться в это просто верить.

Мы благодарны всем представителям коренной нации за помощь и участие в судьбе нашей семьи. Это, в первую очередь, настоятель церкви Сулкава Еркки Косонен, график Ритва Косонен и их дети. Эти люди долгие годы помогали нам адаптироваться в новой среде, не жалея ни времени, ни материальных затрат.

Литература: Тэджфел Генри. Социальная идентичность и межгрупповые отношения, 1982. Дж. Тернер. Лицом к лицу: К социологической теории межличностного поведения. Stanford University Press, 2002. К. Оберг. «Культурный шок или культурная адаптация». *Ob erg K. Culture shock: Adjustment to new cultural environments // Practical anthropology*. 1960. Н. Фрейкман-Хрусталева и А. Новиков. «Эмиграция и эмигранты». История и психология. СПб, 1995. Джон Берри. «Кросс-культурная адаптация». Харьков: Гуманитарный центр, 2007